Товарищ жандарм

Автор:
Станислав Сергеев

Товарищ жандарм

Станислав Сергеевич Сергеев

Боевая фантастика (АСТ)Меч дедов #1

Месть. Сладкое слово для потерявшего близкого человека и не ждущего подарков от продажного правосудия. Бывший сотрудник военной контрразведки Службы безопасности Украины решил сам наказать убийц и устроил бойню по всем правилам военного искусства, но система такого не прощает. Зажатый в горах Крыма беглец, чтоб не выдать армейских друзей, помогавших в акте святого правосудия, бросается в пропасть, но судьба или славянские боги, посмеявшись, решили дать ему второй шанс. Теперь он офицер Отдельного Корпуса жандармов Российской империи, на дворе 1853 год, и уже очень скоро собранная по Европе англо-французская банда при поддержке турок нападет на Родину, и запылает осажденный Севастополь…

Станислав Сергеев

Товарищ жандарм

© Станислав Сергеев, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Особая благодарность за помощь при написании книги и конструктивную критику:

Сергею Павлову «Мозгу» – без его пинков и нравоучений, наверное, книга не вышла бы в свет, Юрию Борисовичу Панько, известному как Борисыч, давнему другу и соратнику, заражающему своим спокойствием, оптимизмом и деловитостью, Дмитрию Березину, старому другу еще по службе в Севастопольском горвоенкомате, ставшему реальным прототипом одного из главных героев книги, Андрею Владимировичу Черенкову, за великолепную вставку со стороны княжны Тихвинской, и всем остальным посетителям, читателям, критикам с интернетфорумов, «Литостровка» и «Самиздата», кто не оказался равнодушным.

Все совпадения с реальными событиями и людьми случайны и злого умысла не несут, а кто думает иначе, то его проблемы.

С уважением, Станислав Сергеев

Пролог

Лето 1853 года только началось, а по дворцу уже гуляли слухи о скорой войне с турками. Николай Александрович, любимый внук нынешнего императора, пока далекий от политических проблем, вместе с младшими братьями часто убегал в большущий парк Царского Села, скрываясь от нудных преподавателей и охранников-гвардейцев. Он представлял себя исследователем дальних и неизвестных стран, пробираясь сквозь кусты и прячась от зорких взглядов караулов, охраняющих императорский дворцовый комплекс.

Этот день был такой же, как и все: после обязательных занятий по географии, риторике, латинскому и французскому языку он в сопровождении своего воспитателя проследовал на обед, где по давно установленному порядку собиралась вся дружная семья цесаревича Александра Николаевича. Особым гостем была тетушка Мария Николаевна с кузиной Машей, которые приехали

погостить на родину и повидаться с семьей Наследника.

Когда все уселись за стол и поблагодарили Господа за дарованные яства, за дверью раздались крики, возня, что-то глухо бухнуло, и в столовую ворвались люди, одетые в гвардейскую форму. То, что это были не гвардейцы, наметанный взгляд Николая, выросшего среди военных, определил сразу. Отец, попытавшийся оказать сопротивление и прикрыть собой беременную супругу, был повален на пол и связан. Нападавшие, судя по ругани и крикам – поляки, захватили весь флигель, где проживала многочисленная семья цесаревича, без особых проблем отбились от вялой попытки освободить захваченных в плен. Для демонстрации серьезности своих намерений бандиты вывели на крыльцо троих горничных и четверых слуг и на глазах гвардейцев, готовящихся к новому штурму, просто и без особых изысков их расстреляли. Причем стреляли так, чтоб люди умирали не сразу и некоторое время мучились и криками устрашали и заложников, и тех, кто в будущем попытается их освободить.

Николай до сих пор с содроганием вспоминает тот момент, когда связанного батюшку, с большим синяком под глазом, ввели в комнату. Один из бандитов приставил к животу матушки нож и начал кричать, что убьет жинку наследника москальского царя и его нерожденного ублюдка, а потом вырежет всех сыновей и их головы отправит в подарок деду, русскому императору.

На все это приходилось смотреть Николаю, которого цепко держали за волосы и заставляли смотреть на унижение отца. Он с детства привык к уважению и почитанию, а тут какие-то… себе такое позволяют. Николай попробовал извернуться и укусить обидчика, но тот наотмашь ударил его ладонью по лицу. В голове зашумело, и мальчик, которому еще у колыбели на верность присягали великие князья, братья его отца, ощутил во рту привкус крови, а в душе начал загораться недобрый, но холодный и расчетливый огонь ненависти. Может быть, именно эта затрещина, полученная маленьким мальчиком, будущим русским императором Николаем II от обнаглевшего от безнаказанности польского шляхтича, и решила судьбу Царства Польского и народа, его населяющего…

Отец грустным взглядом окинул комнату, бандитов, держащих его сыновей и по первой команде готовых пустить кровь, испуганную супругу, которая из последних сил старалась не терять самообладание, прижав к себе самого маленького – Алексея. После тягостной паузы Николай с содроганием услышал хриплый и усталый голос отца, всегда такого сильного и бодрого:

– Чего вы хотите? Вы же не просто так нас оставили в живых.

Глава бандитов, крупный, харизматического вида поляк, оглянувшись на невысокого скромно одетого мужичка, тихо примостившегося в углу, высокопарно высказался:

– Мы хотим поменять ваши жизни на голову одного маленького человечка.

Отец иронично скривился, кивнул головой и с сарказмом в голосе ответил:

– Голову Осташева вам подавай?

Поляк оскалился.

– Верно мыслишь, наследничек. Так что бери перо, бумаги и пиши послание своему батюшке, государю императору.

Николай опять поразился спокойствию своего отца, а в душе начал гадать, что же за человек такой этот Осташев, раз ради него заговорщики на такое преступление пошли. Цесаревич долго думал, но, тем не менее, снова окинув взглядом своих детей, выглядевших испуганными галчатами, и супругу, старающуюся держать себя в руках, сел и быстро набросал на листе бумаги письмо, адресованное русскому императору.

После того как письмо было передано через парламентеров, их развели по разным комнатам. Мальчики сидели в спальне под охраной постоянно сменяющихся двух заговорщиков. Мама, тетя Маша с кузиной находились в другой комнате под присмотром двух полячек, которых специально взяли для присмотра за высокопоставленными дамами. На ужин их всех снова собрали в большой гостиной, и, увидев заплаканные глаза мамы и синяк на лице кузины Маши, Николай понял, что не только он с братьями сегодня получил взбучку.

Их так держали два дня, утром завтрак, потом снова разводили по комнатам, обед, опять по комнатам, и ужин. Гнетущая обстановка давила на нервы, и даже игривые и непоседливые братья уже выглядели подавленными и вялыми. Один отец, после обеда обняв сына и погладив его по голове, как-то странно сказал, скорее, разговаривая сам с собой:

– Болваны, они все равно опоздали. Дверь уже открыта…

Третий день начинался как обычно, вот только в обед пришли парламентеры и устроили стрельбу в воздух почти под окнами. Поляки сначала перепугались и забегали как тараканы, но, выяснив, что те им сообщили, начали поздравлять друг друга: завтра утром перед всеми будет казнен капитан Отдельного корпуса жандармов Осташев, согласно договоренности в обмен на жизни Наследника и членов его семьи.

Захватчики с этого момента стали вести себя развязно и позволяли себе гнусные выказывания в адрес русского императора, отца, матери.

Вечером, когда один особенно рьяный шляхтич сильно толкнул беременную цесаревну, отец так жестко тряхнул обидчика, что тот отлетел в угол, ударился головой об стену и потерял сознание. Поляки долго били ногами упавшего от удара по голове цесаревича, пока их не остановил все тот же невысокий скромно одетый иностранец, который, видимо, всем тут заправлял.

В эту ночь не спал никто, прекрасно понимая, что завтра решающий день. Николай исступленно молился образу Святой Богородицы ниспослать спасение для батюшки, матушки и всего их семейства от злых заговорщиков. Разум десятилетнего мальчика отказывался понимать, а вот интуиция наследника древнего русского рода, выработанная столетиями интриг, кровопролитий, заговоров, подсказывала, что завтра решающий день и, если его переживут, то жить будут очень долго. Он, Николай Александрович Романов, исступленно обещал всевышнему, что сделает все, чтобы никогда больше не допустить такого, чтоб русские люди боялись у себя дома нападения иноверцев.

Утро началось как всегда, разве что поляк-охранник уж слишком жестко и бесцеремонно их с братьями повыкидывал из постелей. В это время парламентеры принесли завтрак для всех обитателей Зубовского флигеля Екатерининского дворца, и вся семья снова собралась в большой столовой.

Тут с улицы раздались крики, и трое охранников осторожно подошли к окнам. Что там происходило, Николай не видел, но судя по их лицам, им это нравилось. Прошло несколько томительных минут, и прямо под домом раздалось несколько выстрелов, и поляки радостно заголосили. Один из них запел какую-то боевую песню, многие его поддержали и мало кто услышал негромкий щелчок. Голова

поляка, стоящего у левого открытого окна, разлетелась как спелый арбуз, разбрызгав вокруг красные ошметки.

Щелк! Второй поляк, получив пулю в грудь, как подкошенный упал возле окна. Песня еще продолжалась, а в окне, как какое-то привидение из потустороннего мира появился человек в странном пятнистом наряде со множеством карманов, на голове был шлем, как у древнего рыцаря, обтянутый тканью с такой же расцветкой, как и весь наряд, глаза закрыты какими-то прозрачными стеклами, лицо измазано зеленой краской. Он висел на веревке, встав одной ногой на подоконник и направив на людей в комнате какой-то странный пистолет с длинным и очень толстым стволом.

Хлоп! Хлоп! Хлоп! Выстрелы напоминали хлопки в ладоши, но Николай, к своему изумлению и восторгу, увидел, как охраняющие их поляки один за другим падают на пол, обливаясь кровью. В голове за несколько мгновений, равных двум-трем ударам сердца, пролетели мысли о спасении, ниспосланном на его горячие молитвы. В соседнем окне появился второй такой же человек, с необычным ружьем в руках. Один из поляков, прятавшийся за тетушкой Марией, выхватил пистолет и выстрелил в появившегося пятнистого рыцаря. Тот, получив пулю в грудь, отлетел обратно и повис на веревке, застонал, но не перестал двигаться и стал пробовать снова вернуться в комнату.

Хлоп! И поляк упал на пол, получив последнюю пулю от первого «рыцаря», который тут же закричал:

– Все на пол! Быстро под стол!

Но самое интересное было в том, что батюшка не удивился, и во все горло гаркнул на своих детей:

– Под стол!

Дети, перепуганные стрельбой и криками, быстро спрятались под столом. Над головой снова раздались выстрелы и пара взрывов, когда кто-то схватил Николая за ногу и вытянул из-под стола. Он сначала попробовал вырваться и укусить обидчика, но это оказался обычный матрос, с пистолетом за поясом, с серьгой в ухе. Он мозолистыми руками подхватил внука императора, прижал его к груди, окатив запахом лука и дешевого табака, и, не раздумывая,

выпрыгнул в окно.

Там они упали на натянутую парусину, раз подпрыгнули, и тут же их стащили на землю, и Николая уже подхватил другой человек, но тоже матрос; снова прижав к груди и прикрывая своим телом, бегом бросился прочь от опасного дома, где вовсю слышалась стрельба и взрывы.

Уже потом, когда все это закончилось и заговорщики были уничтожены, а отец лично на руках из дворца вынес беременную супругу, их всех осмотрели лучшие врачи и девушка, которую все уважительно называли – госпожа санинструктор Станкевич, он наконец-то увидел легендарного капитана Осташева с солдатами специального отряда, освобождавшего заложников. Он стоял в стороне от бегающих и создающих видимость служебного рвения придворных и беседовал с дедом – императором, отцом и генералом Дубельтом. Они все были такими же, как и в первый раз, когда Николай увидел тогда в окне главного из них, идущего на штурм, – пятнистая форма, шлемы, необычная амуниция и оружие, высокие ботинки, лица, измазанные зеленой краской в тон к форме – и выглядели не просто грозно, они выглядели несокрушимо и на фоне гвардейских мундиров, к которым Николай привык с детства, эти люди в своих пятнистых нарядах напоминали леопардов, охотящихся среди павлинов.

Именно тогда маленький мальчик, а в будущем грозный император Николай II дал себе слово, что он рано или поздно наденет эту форму и будет так же освобождать и спасать русских людей.

Намного позже, будучи капитаном войск быстрого реагирования Департамента имперской безопасности Российской империи, пройдя через горнило кровавой Североамериканской кампании, когда под руководством легендарного генерала Осташева горстка спеназовцев сумела отстоять богатейшие золотом, нефтью, металлами земли Аляски, когда, будучи майором, уже под командованием генерал-полковника Оргулова участвовал в дерзком ночном штурме дворцового комплекса османского султана и прибивал русский щит на врата Царьграда, он вспоминал тот первый день знакомства с этими необычными людьми.

Возложив на себя все бремя управления империей после смерти отца, императора Александра II, он наконец-то узнал, что значит фраза, которую так часто повторял его отец: «Ипатиевский подвал», и Николай содрогнулся от той участи, которая была уготована его Родине.

Глава 1

Когда-то нас было три товарища, мы были молоды, полны сил и с оптимизмом смотрели в будущее. Мы служили в Севастопольском горвоенкомате и, благодаря тому, что были одногодками, быстро нашли общий язык и впоследствии сдружились. Компания молодежи нашей части была немаленькая, но со временем люди приходили, уходили, но наша тройка оставалась неизменной. Горвоенкомат расформировали, и после этого каждый пошел по своему пути, делая карьеру. Но, тем не менее, отношения мы поддерживали и по возможности помогали друг другу. Намного позже, когда уже снял погоны и занимался бизнесом, удивлялся тому, что я, в общем-то, не пьющий человек, мог расслабиться только в компании своих военных друзей, а вот с бизнес-партнерами такого позволить себе не мог. Поэтому нашу дружбу ценил как что-то светлое, доброе, как воспоминание о юности, когда все было просто и понятно. Наши пути разошлись: Мишка Логинов перевелся в военный комиссариат Автономной республики Крым в Симферополе, откуда по-тихому перебрался в республиканское управление СБУ и остался служить в столице Крыма. Димка Березин после расформирования нашего военкомата перевелся в штаб ВМСУ и через некоторое время транзитом через разведуправление флота перевелся в Киев в главное управление разведки ГШ МО Украины. Я, Александр Звонарев, тоже не сидел на месте и после кучи различных проверок перевелся в управление военной контрразведки СБУ в Севастополе. Работа была интересная, но для личной жизни совершенно не оставляла времени, хотя на ближайшие несколько месяцев у меня планировалась свадьба. Ленка оказалась девушкой с норовом, но курс прокладывала четко, и я, подняв лапки, ждал марша Мендельсона. Все было вполне неплохо, и будущее мое виделось светлым и безоблачным.

Эта история началась через год после свадьбы, когда первое впечатление и новизна отношений сошли на нет и все теперь виделось в ином свете. На службе как раз начался аврал – будучи оперативным работником, я носился по подконтрольным частям и расследовал обстоятельства смерти матроса от передозировки наркотиков. Делом занималась и гарнизонная прокуратура, но, со своей стороны, мы тоже плотно работали по этому направлению, используя агентурные каналы получения информации. После нескольких месяцев плотной работы была раскрыта целая сеть поставки тяжелых наркотиков в воинские части гарнизона и результатом стала совместная операция управления военной

контрразведки СБУ, гарнизонной прокуратуры и отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в Севастополе. Основную силовую часть операции проводили менты, которым тоже для отчетности нужно было поставить себе галочку за очередное раскрытие, и отряд Беркута по нашей наводке взял штурмом дом цыганского барона, откуда шел основной поток наркотиков.

Когда беркутня всех расставила по стеночкам и народ из прокуратуры и милиция занимались бумажной работой, а я, закутанный для приличия в бронежилет, стоял в сторонке и создавал видимость присутствия военной контрразведки, ко мне обратилась старая цыганка со странной просьбой.

– Покажи руку.

– Щас. Вот мне делать нечего. Встань на место…

Но не тут-то было. Похоже, вся эта процессуальная тягомотина должна была продлиться до поздней ночи, и, спрятав пистолет в кобуру, я позволил цыганке поездить мне по ушам, под иронические смешки пятнистых амбалов из Беркута. Но, к моему удивлению, вместо обычной лапши, цыганка рассказала интересные вещи, которые заставили задуматься.

– …Придет время, и ты снимешь погоны, и будешь служить другому хозяину. С тобой по жизни идут два друга, которые, как тени, всегда будут рядом. Когда окончательно потеряешь то, что уже потерял, ты прольешь кровь врагов мечом дедов. Ты будешь ждать смерти, но судьба тебе даст шанс…

Я часто потом вспоминал эти слова. Как-то ради интереса навел справки про эту цыганку, но оказалось, что она давно умерла и никаких дополнительных разъяснений получить не смог.

Потом началось реформирование, а точнее сокращение армии и соответственно пропорционально сокращались органы военной контрразведки. Мне предложили перевестись из Севастополя далеко и надолго, но это не устраивало, поэтому перед самым рождением сына я уволился и с женой переехал в Симферополь, где по рекомендации Мишки Логинова устроился в компьютерную фирму. Потом были несколько лет съемных квартир и безденежья, скандалов и нервотрепки. Новое место работы – мы с двумя друзьями организовали свою фирму. Будучи одним из учредителей, я стал заниматься любимым делом – корпоративной

безопасностью. Вот тут как раз с напарниками повезло. Юрка Панков, надежный и простой человек, один из лучших в городе специалистов по оргтехнике, и Серега Оргулов, бывший морпех, с двумя высшими техническими образованиями. Серега, так же как и я, закончил севастопольскую Нахимку, только на три года позже. Мы с энтузиазмом раскручивали свою фирму, но первые три года, конечно, были очень трудными. Жена вышла на работу, и с сыном дома сидела теща. Пока я поднимал свой бизнес, со скрипом, со стоном и ночными переработками, эмоционально теща выдавила меня из семьи, и, когда материальное положение стабилизировалось и позволило купить свою квартиру, оказалось, что мне в этой семье уже нет места. Моя роль была проста и незавидна: просто добытчик, человек, который приносит деньги, но не более того, без права голоса и без своего мнения. К удивлению, в отношении ко мне со стороны жены я увидел все стандартные схемы поведения, которые наблюдал в семье тещи и тестя, мастерски заклеванного и из нормального военного превратившегося в затюканного алкоголика. Попытки достучаться до разума жены как-то не увенчались успехом, и в итоге после одного из скандалов науськанная тещей Ленка послала меня далеко и надолго, а я, уставший быть человеком-бумерангом, которого посылают, а он возвращается, собрал вещи и ушел. Сначала было тяжело, от одиночества выл по ночам, потом пошел в загулы, менял подруг, как перчатки, но это было недолго, поэтому месяца через два успокоился и полностью погрузился в работу, периодически удивляясь женской недальновидности. По сути дела, «любимая» теща ради того, чтобы не возвращаться к себе в деревню, все перевернула так, что ушел я, а она надолго осталась возле дочери и внука, не думая об их дальнейшей судьбе. Замучившись отбиваться от наглых материальных претензий, я выставил жене неплохие алименты и периодически старался встречаться с ребенком, который, несмотря на все, скучал по отцу. Первое время я держался, потом звонил, упрашивал, пытался достучаться, но все это расценивалось как признак слабости и эмоциональной зависимости и вызывало у жены только презрение. Ответом были только увеличивающиеся суммы, которые по совету тещи Ленка старалась выдавить у меня. В последнее время я уже названивал для того, чтобы утвердиться в своем решении менять жизнь, хотя было трудно – пока еще любил я эту стерву и сына. Со временем устал, перегорел от этого всего и успокоился.

Как не складывалась личная жизнь, так успешно развивался бизнес. К тому времени Серега Оргулов, которому просто наскучила наша фирма, уже свалил в службу безопасности коммерческого банка, где прописался один из его дружков, а я с Борисычем, так друзья называли Панкова, продолжал дальше тянуть фирму к процветанию. Своя квартира, потом машина, сначала «жигуленок», потом «Шевроле» и как венец моих фантазий джип «Митсубиси

Паджеро» с дизельным двигателем. Оргулов, с которым мы поддерживали дружеские отношения, умудрился меня заразить тягой к охотничьему оружию. Как бывший и потомственный военный, в качестве первого своего оружия, которое должно быть простым и надежным, с большими трудностями при оформлении приобрел себе карабин «Форт», гражданскую переделку легендарного АКМ, которые снимались с консервации и после определенной вивисекции продавались населению, помешанному на стиле «милитари». Как истинный военный, я долго выбирал сам ствол, ходил по оружейным магазинам и в итоге стал обладателем новенького карабина 1964 года производства в еще консервационной смазке. Техническая красота, надежность и дух той страны, в которой было произведено это оружие, завораживали, и частенько я его просто брал в руки и разговаривал как с боевым товарищем. Уже тогда знал, точнее – чувствовал, что карабин сыграет в моей жизни определенную роль. Я не стал его переделывать, менять цевье, пистолетную рукоятку на новомодные пластиковые прибамбасы, оставляя оружие в первозданном виде. Только договорился с оружейным мастером, который приделал боковой кронштейн для крепления оптического и коллиматорного прицела. Достал самопальный глушитель, который в принципе не был запрещен, и чтоб не привлекать особого внимания, частенько выезжал на природу один или с друзьями, расстреливал десятками недорогие патроны 7,62?39, а потом вечером с особым удовольствием разбирал оружие и тщательно его вычищал, как новорожденного ребенка.

Так и протекала моя жизнь: фирма развивалась, сменялись подруги, росло благосостояние, но все было как-то серо и однообразно. В последнее время стал задумываться о смысле такой жизни. Да поездил по стране и миру, холодильник в своей квартире был забит дорогой жрачкой, на улице стояла шикарная блестящая машина. Вроде как все основные атрибуты успешной жизни имелись в наличии, разве что длинноногой блондинистой подруги для полного комплекта не хватало, но тут я себя не мог пересилить и опуститься до такого уровня. Одно радовало – Мишка Логинов и Димка Березин все еще оставались друзьями, с которыми я поддерживал отношения, и по возможности мы собирались, гудели, как в молодые годы, и вспоминали совместную службу.

Все перевернулось весной, когда, вернувшись из командировки, я на домашнем автоответчике услышал рыдающий голос тещи, которая что-то пыталась сказать про Ленку. Давние чувства шевельнулись в душе, и я немедленно перезвонил и узнал, что Лены больше нет. Как в тумане, я гнал на джипе через город и вот сижу на кухне, где постаревшая теща сквозь слезы рассказывает, как это случилось.

Ее нашли на обочине дороги за городом. Она истекла кровью. Сначала расследование пошло быстро и резво, нашли свидетелей, видевших, как она вступила в перепалку с группой молодых татар, которые ее затащили в машину и увезли в неизвестном направлении. Их нашли, в машине обнаружили следы тщательно замытой крови Лены; подозреваемые, пойманные по горячим следам, стали давать признательные показания. Но потом все изменилось – подтянулись юристы Меджлиса, которые быстро нашли общий язык со следователями, дело освещалось как очередное «преследование крымско-татарского народа», и со временем подозреваемые были отпущены под подписку о невыезде. Домой к теще постоянно звонили с угрозами, а милиция как будто оглохла и никак не реагировала на заявления об угрозах. Частенько возле дома дежурила машина, в которой всегда сидели три-четыре человека с характерной внешностью. В прокуратуре, где половина состава следователей уже состояла из крымских татар, только посмеивались и открытым текстом посылали тещу подальше, сопровождая оскорблениями на своем языке.

Я не стал идти в милицию и светить свое присутствие. То, что оттуда идет прямая утечка информации – не сомневался, поэтому чтоб что-то предпринимать, надо было сначала собрать всю информацию и провести рекогносцировку.

Я забрал тещу и сына к себе домой, отзвонился на работу Борисычу, который уже знал про то, что случилось с Леной, и сообщил ему, что беру срочный отпуск. На следующий день снял с депозитных счетов все деньги, купил пару простеньких мобильных телефонов и несколько левых симкарт.

С одной их них отправил смс-ку по номеру Мишки Логинова с одной фразой «Сильный шторм», что говорило о крайней степени опасности, и стал ждать. Через час уже с другого номера перезвонил Мишка.

– Привет.

– Здорово.

– Все так плохо?

– Очень.

– Тогда вечером, на нашем месте.

– Заметано.

Уже в темноте мы сидели с Мишкой на скамеечке недалеко от лесопосадки и тихо переговаривались. Я ему рассказал свою версию, а он выслушивал, задавал наводящие вопросы и, вникнув в проблему, коротко спросил:

– Будешь мстить?

– А ты бы на моем месте?

– Потом будешь всю жизнь скрываться? А о сыне подумал?

– А как мне дальше-то жить? Они-то, как делают, пырнул ножом нашего и в Узбекистан прятаться, и там его никто не найдет. Подождут, пока забудут, за бабки подчистят базы, пропадут из дела бумажки в милиции, и возвращаются они обратно чистенькими и честными.

– Саня, давай не будем делать скоропалительных выводов, я все уточню, тихо и осторожно, чтоб никого не насторожить, а потом уже примем решение.

– Хорошо. Я жду от тебя звонка.

Прошла неделя. Я в разных охотничьих магазинах закупил пару тысяч патронов для своего карабина, причем все это делалось на моих друзей-охотников, таких же фанатов советского оружия, владельцев АКМов и карабинов СКС. Тут очень помог Оргулов, который всегда у себя в сейфе держал не меньше полутысячи патронов. На один интересный почтовый ящик из интернет-кафе отправил короткое сообщение «Сильный шторм» и стал готовить пару съемных квартир, на случай перехода на нелегальное положение. За городом, в лесу, на всякий случай сделал закладку с палаткой, продуктами длительного хранения и теплыми вещами, запасом топлива и небольшим бензогенератором. Купил пару ноутбуков и зарегистрировал несколько беспроводных интернет-модемов на левых людей. Пока было время, в интернете собирал всю возможную информацию по крымским татарам, по выживанию в экстремальных условиях, по боевой технике, оружию, рукопашному бою, хотя последнее было на уровне

увлечения.

Через неделю Мишка снова вытянул меня на прежнее место, и, соблюдая все правила конспирации, мы снова встретились.

Разговор был тяжелый. Он знал Ленку, и мы часто гуляли семьями, поэтому его это тоже задело.

– …Дело сливают. Как только я попытался проявить интерес, на тех людей, через которых я наводил справки, сразу началось давление. В общем, там все заряжено и очень серьезно.

– Что совсем ничего?

– Ну, почему же. Мы ж с тобой не на колхозном складе служили, и Контора пока тоже что-то значит.

– И?

– Изнасилование, тяжкие телесные, неоказание помощи. Ну, в общем, полный набор.

– Фигуранты? Хоть что-то смог скопировать?

– Обижаешь. Вот флэшка, на ней сканы всего дела, причем до того, как его подчистили – в милиции тоже есть нормальные люди. Там адреса фигурантов, где учатся, кто родители. От меня там справочка, более подробная о бизнесе родителей, зарегистрированных машинах, ну и все такое, что по нашим базам смог нарыть.

– Посмотрю.

– Это не все. Про тебя уже справки в Конторе наводят. Как начал копаться в этом деле, я у кадровиков на всякий случай поставил маркер на тебя, если кто начнет дергаться, чтоб мне сообщили.

– И?

– Был запрос из прокуратуры АРК. У нас народ ухохатывался, такие перлы не часто встретишь. Их, конечно, культурно послали, сославшись на то, что ты уже не состоишь даже в кадровом резерве и дело находится в архиве, но они будут добиваться и, думаю, в течение месяца все-таки что-то получат.

– Понятно.

– Димыча уже вызвал?

Я коротко кивнул.

– Значит, решил силовой вариант устраивать. Ну, Димка, с его диверсионной подготовкой тут будет в самый раз, вот только он вроде в заграничной командировке и вряд ли успеет.

– А как же иначе. Сейчас смолчим, проглотим, за наших детей примутся. Они и сейчас в открытую говорят, что скоро всех вырежут…

Мы помолчали, затем Мишка подал голос:

– Саня, чем я еще тебе смогу помочь?

Этого вопроса я ждал, соответственно и «скромный» ответ был заготовлен.

– Чистые стволы, взрывчатка, новые паспорта, новое свидетельство о рождении на Славку, заверенное у нотариуса разрешение на вывоз ребенка за границу от матери, на его новое имя. Если со стволами не получится, то хотя бы пару травматиков на базе ПМов или револьверы, чтоб гильзы потом не искать. Да и главное – сваргань мне несколько левых ксив, конторские, ментовские и прокурорские.

– Н-да, запросики. – Он помолчал, как бы на что-то решаясь. – Саня, я все сделаю, все что могу, даже больше того.

Мы встали и обнялись. Оба понимали, что это последняя наша нормальная спокойная встреча.

– Спасибо, брат.

Через два дня я получил ответ от Димки, который как всегда находился на другом конце шарика. Пришлось связываться по скайпу, и я ему коротко обрисовал ситуацию, сбросив заархивированный под несколькими паролями звуковой файл. Через час он коротко ответил.

«Не спеши, потерпи недельку. Я тут закрою сделку и скоро к тебе присоединюсь».

Я перешел на нелегальное положение и передвигался по городу на левом «жигуленке», который на время одолжил у одного знакомого.

Когда в магазине спорттоваров закупал кое-что из туристского снаряжения, на случай, если придется прятаться где-то в горах, мне на мобильник позвонил Серега Оргулов с левого телефона.

– Саня, привет.

– Здорово, Серега.

– Саня, я знаю, что у тебя случилось. Надеюсь, когда начнется стрельба, ты меня позовешь? Я ж вроде как не мальчик с улицы, все-таки в морской пехоте столько оттрубил…

Горло сдавил спазм. Мне трудно было говорить. Серега, нормальный, честный мужик, которому можно доверить спину. Но у него была жена, Светка, сын и налаженная жизнь, к которой он долго стремился. Если для Мишки и Димки такие операции – ну, не то что бы обычное явление, но не экстрим, и семьи свои они смогут защитить, то Серега тут беззащитен и, если ввяжется в эту историю, то ему придется туго. Нет. Если уж сильно прижмет, то только тогда может быть, и то…

– Спасибо, Серега. Но пока не спеши, если будет необходимость в крепком плече, я к тебе обращусь…

И отключил телефон. Потом вытащил симку, сломал ее и выкинул в урну. С прошлой жизнью покончено. Спасибо тебе, Сергей, но у меня нет другого выхода, и иногда дружба состоит в том, чтобы не ломать другу жизнь.

Через два дня Мишка подогнал новые документы: паспорт, права, свидетельство о рождении сына. И все это время собирал информацию о противнике, маршрутах движения и подыскивал место для проведения акции. Мишка через некоторое время переслал списки должностных лиц, кто участвовал в развале дела и прикрывал этих подонков. Судя по всему, тут мститель-одиночка явно не справится. Потом неожиданно нарисовался Димка, как всегда ироничный, загорелый и предельно собранный. На одной из съемных квартир мы собрались втроем и начали планировать операцию.

Димыч, тот вообще официально находился в Южной Америке и приехал по левым документам, которых у него, как у подполковника военной разведки, было несколько комплектов. Мишка официально через два дня уезжал в Россию, к коллегам из ФСБ, для обмена опытом. Я по плану, должен был завтра улететь с сыном из аэропорта Симферополь в Турцию и, оттуда сделав несколько скачков через Прагу, где со специально нанятой нянечкой оставлял Славку, по поддельным документам вернуться в страну. Все легенды, документы, билеты обеспечивал Димка, учитывая нынешние возможности, достигший высоких чинов в военной разведке.

Еще через четыре дня мы снова собрались на конспиративной квартире и приступили к конкретным действиям. Видимо, Димыч и тут припряг свою службу, и об этом деле и об определенных фигурантах имел несколько более полную информацию, чем Мишка, который как раз и варился в крымском котле и по идее должен был быть более информированным, и это не только настораживало. Создавалось впечатление, что Конторе просто мешают работать.

Основных фигурантов было четверо. Двое из них, у кого родители были весьма состоятельными, учились в Таврическом национальном университете Симферополя, третий работал на автомойке, а четвертый торговал на рынке. Всех четверых без особых проблем повязали, немного попинав для приличия, и в течение дня вывезли за город в условленное место. Потом с левых телефонов позвонили родителям, которые принимали самое активное участие в подкупе следственных органов, и предложили еще раз заплатить за детишек, но теперь не за их свободу, а за жизнь. Причем жестко намекнули, что в органы лучше не

обращаться. Они и не стали: у них были свои менты, которых они неофициально все-таки привлекли к делу. Когда было назначено место и время встречи для обмена, по данным радиоперехвата и прослушивания, они активно стали собирать соплеменников и к месту встречи чуть раньше назначенного срока подъезжала целая колонна.

Мы тоже неплохо подготовились. Радиостанции, несколько фугасов, растяжки, пулемет Дегтярева времен Великой Отечественной войны, который откуда-то умудрился притащить Мишка, винтовки с глушителями. Я прихватил свой карабин, к которому запасливый Димка подогнал целый цинк специальных дозвуковых патронов УС. На вопрос, откуда такое богатство, которое учитывается по отдельному списку и так же списывается, он съехал с темы, ссылаясь на старые запасы.

Димка, залегший со снайперской винтовкой на высотке, вышел на связь.

– Крот, вижу бородачей в зеленке.

– Сколько?

– Человек десять. Идут двумя группами.

– Твои рекомендации?

– Подпускаем к линии кустов и работаем всех по-тихому.

– Справимся?

– Не базар. Народ непуганый, идет в открытую.

– Работаем.

Я накрутил глушитель на карабин, поставил оптический прицел белорусского производства и вставил магазин, снаряженный УС-ками.

Сетка прицела остановилась на вылезшем из кустов дядьке, с бородой, в камуфляже с автоматом в руках. Дистанция как раз вполне приличная для

АКМа – метров сто пятьдесят, да и позиция что надо.

Хлоп-с-с-с. Лязгнул затвор, выбрасывая гильзу. Бородач, как подрубленный, завалился на бок. Рядом завалился второй и третий. Они заметались, стали лихорадочно снимать оружие с предохранителей и щелкать затворами. Хлоп-с-с-с. Хлоп-с-с-с. Все, первая группа лежит. Теперь вторая. В голове навсегда отпечатались искаженные болью лица, так хорошо различимые через оптику.

Для меня, не воевавшего и не пролившего до этого крови врага, все слилось в мелькание картинок. Хлопки глушителя, дерганье затвора, падающие фигуры, но при этом я помню азарт и ни с чем несравнимое чувство удовлетворения, когда уничтожаешь врага и выходишь победителем.

Потом загрохотало. Сработали фугасы, и в пламени разрыва исчез микроавтобус, судя по номеру, маршрутное такси, снятое с городского маршрута и забитое под завязку боевиками. Я забылся и вставил в карабин магазин с обычными охотничьими патронами, которые наносили страшные рваные раны. С фланга периодически стучал дегтярь Мишки, расстреливая залегших в расщелине боевиков. Убегающих по склону людей поглотило пламя взрыва – там сработала растяжка на МОНке. Снова хлопки и взрывы. Даже сейчас, по прошествии времени, я с трудом могу восстановить все картины того боя.

На холме – связанные, на коленях – стояли четверо мерзавцев, которые лишили моего сына матери и меня женщины, которую, несмотря на все наши проблемы и конфликты, я до сих пор любил. Они мычали через кляпы и видели всё: как гибнут их родители и соплеменники, которые решили, что законы страны, которая их приняла, писаны не для них. А их закон – это право сильного и наглого, который привык к вседозволенности и безнаказанности…

Когда никто уже не мог в нас стрелять и осталось несколько стонущих раненых, которых деловито добивал Димка, по-хозяйски расхаживающий среди раскиданных тел, ко мне подошел Мишка и протянул пульт. Он ничего больше не сказал, подхватил лежащий на земле автомат одного из боевиков, чуть оттянув затвор, деловито проверил патрон в патроннике и присоединился к Березину – зачищать свидетелей.

Я держал пульт и смотрел на холм, где сидели четыре связанные фигуры. До них было метров тридцать, и отсюда я слышал, как они выли, предчувствуя свою

смерть.

Как интересно и многогранно устроен наш мир. Для нас самым сильным поступком было бы отказаться от мести и простить, такие мы люди, добрые приветливые. А для них это позор, признак слабости, после которого мужчину начинают презирать. Я был нормальным человеком, со своими принципами и моральными нормами, но на сильный поступок был не способен. Отвернулся и стал спускаться с холма к своим друзьям, которые ждали меня и моего выбора. Опустив голову, я нажал на кнопку. Сзади грохнуло. Я изменился и уже никогда не стану прежним.

Потом был быстрый сбор трофеев и отступление. Позже мы сделали несколько закладок из захваченного оружия и боеприпасов. Боевики неплохо подготовились для встречи с нами. Тут были и потертые АКМы, которые, видимо, долго гуляли по горячим точкам бывшего СССР, и новенькие карабины «Форт», родные братья моего, несколько боевых ПМов и травматиков, АК-74, охотничьи ружья, такой же пулемет Дегтярева и даже целенький РПО «Шмель».

Мы ушли чисто, не оставив свидетелей, и согласно плану отхода разделились, и каждый должен был уходить по своему маршруту.

Ребятам повезло, но наши противники подстраховались: они сразу просекли, чьих рук это дело, и меня заранее объявили в розыск. На выезде из города уже стояли усиленные патрули и тормозили любой транспорт и осматривали машины.

«Вот попал!»

Я почему-то был уверен, что ищут меня. А в машине на всякий случай лежали и мой карабин, и обвес к нему, и бое-припасы, и куча всего другого интересного, за что меня могут неплохо закрыть. Вот ведь дурак жадный. Я вывернул из потока и стал разворачиваться, что не прошло незамеченным, но за мной никто не погнался. До вечера крутился по городу, изучая систему патрулей и возможные выезды из города. За мою скромную персону взялись серьезно, и в том, что мне не дадут нормально пересечь границу, я не сомневался. Поэтому придется немного пошуметь, устроить тарарам и по-тихому уйти одним из резервных маршрутов. Александр Звонарев должен умереть. Я сгонял к одному из наших схронов, загрузил в машину еще оружие и боеприпасы,

взрывчатку и выехал по дороге, которую, как правило, не перекрывали.

Так и нарвался, из-за своей самоуверенности. Заехав на заправку, дозаправить бак и залить канистры, я через некоторое время увидел машину госавтоинспекции, которая встала рядом. Из нее вышли двое «гайцов» в бронежилетах, причем один из них, сержант татарин, был вооружен укороченным АКС-74у. Сделав вид, что они меня нисколько не интересуют, я загрузил канистры в багажник джипа и стал собираться. Гаишники, мельком осмотрев заправку, пошли обратно, когда у татарина запиликал телефон, принимая mms-ку. Он остановился, просматривая присланную от соплеменников фотографию, и медленно повернул голову ко мне. Мы встретились взглядами. Удивленно смотря на меня и сравнивая с фотографией, полученной на мобильник, он как-то неуверенно и медленно потянулся к автомату.

«Ну и дурак. Понабирают гостей из горных аулов, которые только бабки сшибать уметь с лохов-водителей…»

Выхватив из оперативной кобуры ПМ, передернул затвор, загнав патрон в патронник, и, уже не раздумывая, выстрелил ему в грудь, прямо в бронежилет.

Бах! Тело отлетело метра на два. Не удержавшись на ногах, он покатился по земле. Глухо звякнул автомат, упавший на асфальт. Его напарник, молодой славянский парнишка, ошарашенно смотрел на направленный на него ствол и просто хлопал глазами. Я дико закричал, пытаясь пробить его шок:

– На землю! Лежать, иначе завалю!

Подойдя к нему почти вплотную, ударил ногой по голени и, когда он упал на землю, расстегнул кобуру, вытащил табельный ПМ и запасной магазин. Немного подумав, забрал мобильник и заставил снять бронежилет. Ему это не нужно, а мне, любимому, может понадобиться.

Татарин все еще лежал на земле, мыча от боли. Пнув его пару раз для приличия, проделал те же манипуляции: забрал табельный ствол, запасной магазин, броник и прихватил автомат и мобильник. Для профилактики прострелил им колеса на служебной машине. А вот теперь деру. Нарушая правила, я свалил с заправки в экстренном темпе и успел скрыться в спальном районе, выкинув по дороге трофейные мобильники. Припарковав джип, не сильно перетруждаясь,

нашел долго стоящую на улице машину, самым наглым образом скрутил с нее номера и перекрутил на свой джип.

В самой машине на случай погони и обстрела на спинку водительского сиденья накинул трофейный броне-жилет и второй положил слева возле себя, на случай если попытаются стрелять сзади или слева через дверь.

После всего этого со спокойной совестью заехал на мойку, потом отогнал джип в давно арендованный гараж и затаился на пару дней в съемной квартире. С интересом просматривая по интернету новости, я, к своему удивлению, не нашел никакого упоминания о прошедших событиях, что не могло не настораживать. Поэтому по прошествии двух дней, покатавшись по городу на «жигуленке» и убедившись, что посты на выезде из города сняты, я решил уходить. Взяв снова свой джип, я уже спокойно поехал в сторону Алушты.

Преследование обнаружил только тогда, когда за мной уже шли несколько российских внедорожников «Патриот» с эмблемами Беркута.

Погоня была как в фильмах. Мой джип не мог оторваться от преследователей на трассе, поэтому пришлось в районе водохранилища выруливать на грунтовку и уходить в горы, но и тут не удавалось оторваться. Меня затравливали как матерого, бешеного зверя, и я был уверен, что пощады не будет и так или иначе меня отдадут на расправу татарам. Осталось принять последний и яростный бой и умереть, как положено офицеру, с оружием в руках. Правда, жалко было стрелять в ребят из Беркута, они-то ни в чем не виноваты, все-таки выполняют приказы. Обидно, конечно, что жизнь так заканчивается, но одно правильное дело я сделал – отомстил. Все-таки в кровной мести есть свои прелести, может, после меня они поостерегутся вновь нечто подобное вытворять.

Навигатор показывал, что по этой дороге осталось ехать километров пять-семь и потом тупик. И осталось мне жить не более десяти-двадцати минут. Я взял телефон и позвонил по номеру экстренной связи с Димкой. Он ответил сразу.

– Я все знаю, ты где?

– Не напрягайся, все равно не успеешь.

– Саня…

– Димыч, не то, на хвосте Беркут сидит. Еще десять минут, и я в тупике.

– Твою мать, Санька…

– Дима, позаботься о сыне, это все, что я прошу. Это была хорошая охота. Прощай, брат.

– Прощай, брат…

Я отключился, выключил телефон, одной рукой отсоединил аккумулятор и выкинул в окно симку. Все.

В темноте мелькали деревья, и в зеркала ярким светом ослепляли фары преследователей. Мне почему-то вспомнилась старая цыганка и ее слова: «Придет время, и ты снимешь погоны, и будешь служить другому хозяину», ну в принципе да, работаю на дядю, точнее работал.

«С тобой по жизни идут два друга, которые, как тени, всегда будут рядом» – так и есть, два друга, надеюсь, их ничем это не зацепит.

«Когда окончательно потеряешь то, что уже потерял, ты прольешь кровь врагов мечом дедов» – хм, а ведь правильно. Потерял Ленку, которую уже раз потерял. Потерял навсегда и бесповоротно. … Как же мне хреново, аж рыдать хочется. Что там говорилось про меч дедов?

Я снова уставился на дорогу. Чем это я там кровь проливал? АКМ, ну, конечно, оружие шестидесятых годов прошлого века, как раз мой дед по возрасту и мог его сделать. Хм, как все складывается. И что там дальше?

«Ты будешь ждать смерть, но судьба даст тебе шанс…»

О, как! Ну, что ж, в ближайшее время, точнее в ближайшие минуты все и определится. Надеюсь, та цыганка Аза не врала и дело говорила, а то остыну уже к утру…

В свете фар, посередине дороги внезапно возник силуэт человека, точнее – женщины в цветастом платье, и я рефлекторно дернул руль вправо, и машина, влетев в кусты, провалилась вниз и покатилась по крутому склону, где я лихорадочно пробовал объехать возникающие в свете фар стволы деревьев. В памяти, как снимок цифрового фотоаппарата отчетливо отпечатался образ той женщины, и я с удивлением узнал цыганку, которая уже была мертва несколько лет.

Это была бешеная гонка, пришлось просто слиться с машиной, огибая мелькающие стволы деревьев. Через целую вечность ландшафт начал меняться, и, к моему удивлению, я теперь несся по ровной поверхности и деревья стали толще и массивнее. Нажав на тормоза, удалось остановить машину прямо напротив большущего дуба. Я сидел и смотрел на открывшегося в свете фар исполина. Руки дрожали от сильнейшего прилива адреналина, и вскоре меня всего начала бить дрожь. Открыв дверь, как мешок, вывалился из машины и упал на землю, меня стало сильно рвать. Когда спазмы прекратились, я ощутил, что стою на четвереньках и руки упираются в землю, покрытую старыми, пожухлыми дубовыми листьями. Черт, как хреново. Чтобы не упасть лицом в свою блевотину, умудрился чуть отползти, руки подогнулись, и последнее, что успел увидеть, это приближающиеся освещенные светом фар дубовые листья. Организм, не выдержав нагрузок, отключился.

Глава 2

Не знаю, сколько был в отключке, но, придя в себя, лежал и долго наблюдал за своим джипом, фары которого освещали дерево, разгоняя темноту вокруг. Я все помнил и все ждал и ждал шума двигателей преследователей или на крайний случай топота беркутни, которая, по идее, должна меня уже вязать и паковать. Но минуты шли за минутами, а никто так и не приходил за мной. Силы потихоньку возвращались, и через двадцать минут я уже смог сесть, даже приподняться и проковылять к джипу. Стоило больших усилий снова забраться на водительское сиденье и закрыть дверь. Двигатель заглох, когда я еще несся с горки, поэтому отключил освещение, оставив подсветку приборной панели, и включил приемник, чтобы послушать последние новости о том, что произошло в окрестностях Симферополя, и о масштабных поисках моей тушки. Но, к удивлению, эфир был чист, и, просканировав несколько раз различные диапазоны, я откинулся на спинку сиденья и тупо уставился на панель

навигатора, на которой светилась надпись «Потеряна связь со спутниками». Видимо, я провалился в такое ущелье, где ничего не ловилось, поэтому выбрав флэшку, где были собраны любимые песни, воткнул ее в приемник и, услышав знакомую музыку «Любэ», достал из оперативной кобуры ПМ, передернув затвор, загнав патрон в патронник, стал ждать гостей. Но песня сменялась песней, а гостей все не было. Стало светать, но было тихо. Странно. Может, это и есть мой шанс? Силы практически вернулись, поэтому я уже смог достать радиосканер и несколько раз просканировать радиодиапазон в поиске любых источников радиоизлучения. Что-то такое фиксировалось, но так на грани фона. Ну, должны же преследователи хоть как-то между собой переговариваться и организовывать мои поиски, но и тут эфир был пуст. Я, чуть пошатываясь, вылез из машины, прихватил пару РГДшек из недавних трофеев, свой карабин, накрутив на него глушитель и установив коллиматорный прицел, отошел метров на двадцать от машины и прилег в небольшом кустарнике, из которого прекрасно просматривалась машина и подходы к вековому дубу.

Так я пролежал около часа, но и тут меня никто не побеспокоил. Очень странно. Ну ладно, будем действовать. Вполне придя в себя, достал из багажника камуфляж, в котором недавно бегал по холмам, переоделся, натянул обычные армейские ботинки с высокими берцами, бронежилет «Корсар», который подогнал Димка. Поверх него накинул разгрузку, в карманах которой уже лежали набитые обычными патронами магазины для АКМа, в отдельные кармашки положил четыре гранаты. Прихватил несколько консервных банок из сухих пайков, флягу с чуть подсоленной водой, брикет сухого спирта, складную саперную лопатку, бинокль, монокуляр ночного видения, ну и кучу всякой мелочи, которая может понадобиться в длительном походе. В набедренной кобуре разместил ПМ, прихватив к нему пару запасных магазинов и около полусотни патронов россыпью. Как особенный аргумент на спину закинул РПО – такая вещь будет очень к месту при столкновении даже с легкобронированной техникой.

Присев «на дорожку» и тяжело вздохнув, двинулся вперед, где, по моему разумению, должна проходить трасса Симферополь – Алушта. Оглянувшись на джип, который столько перенес за последнее время, я еще раз удивился, что на нем ни одной царапины, несмотря на весь сегодняшний марафон. Нажав кнопку на пульте с ключами от машины и услышав характерное пиканье, что говорило о том, что двери заблокированы, повернулся и пошел, надеясь в ближайшее время выйти к трассе.

Ага, сейчас. Я шлепал по этому лесу около часа, но так и не нашел никаких особых признаков цивилизации, а солнышко уже припекало, когда выполз на простую проселочную дорогу, которая своей фактурой меня немного удивила. Обычно идут две колеи, между которыми растет травка, а тут и промежуток между колеями был вытоптан и на высохшей земле явно выделялись следы копыт, что говорило о частом проходе по этой дороге гужевого транспорта. Вопросы и несуразности моего положения накапливались каждую минуту. Рельеф местности, растительность сильно отличались от крымской, да к тому же и отсутствие любых радиостанций, мягко говоря, настораживало. Складывалось впечатление, что я провалился в другой мир, где никто ничего не слышал про радио. Боже, как я буду жить без туповатой попсы и более тупых реклам. Как ни странно, это подняло мое настроение и, идя по лесу параллельно дороге, я даже стал про себя мурлыкать очередную попсовую песенку. В таком темпе через час вышел к развилке, где одна из дорог выходила прямо к возделанному полю, а вторая – к красивому ухоженному дому, утопающему в зелени. Ну, это точно не Крым. Рассматривая в бинокль открывшийся пейзаж, я заметил одну интересную деталь – нигде не было электрических проводов и соответственно столбов, что тоже не могло не настораживать. Я выбрал неплохое место, с которого прекрасно просматривались все дороги и частично усадьба, собрал хвороста и устроил себе лежанку.

Так я пролежал около двух часов, вообще не услышав характерного звука работы ни одного двигателя внутреннего сгорания. Но при этом с интересом наблюдал за двумя телегами с запряженными в них коренастыми битюгами, которые сопровождали бородатые дядьки, одетые в домотканые рубахи, причем все это смотрелось настолько аутентично и естественно применительно к обстановке, что я уже вполне серьезно был уверен, что попал в другой мир. Самое интересное, у меня не возникали мысли возвращаться к машине и искать путь обратно, вся моя интуиция буквально кричала – там смерть. Чуть позже я попытаюсь вернуться к сыну, к друзьям, но сейчас надо было выжить, пройти инфильтрацию, легализоваться, а потом уже и вертеть ситуацию под себя. Конечно, какая-то легенда нужна обязательно, но в нынешней ситуации, когда я обвешан оружием и прибамбасами из будущего, что-то придумывать исходя из местной действительности будет весьма трудно. Ни времени, ни нынешних реалий, ни даже языка я не знал, поэтому спалиться в первые несколько минут общения было раз плюнуть.

Я наблюдал еще пару часов, хрустя пайковыми галетами и запивая их чуть подсоленной водой, и активно искал выход из сложившейся ситуации. Мое внимание привлекла телега, загруженная дровами, возвращающаяся со стороны

леса. Но ведь их туда ушло две штуки, поэтому идея допросить возницу, который, видимо, остался в лесу один, возникла у меня мгновенно. Двинувшись по отчетливому следу, который оставляла груженая телега, я стал осторожно пробираться параллельно дороге. Тут и искать не пришлось: ругань возницы услышал намного раньше, чем увидел застрявшую телегу. И это меня несказанно обрадовало – ругался он на самом что ни на есть русском языке. Я понаблюдал минут десять, спокойно и открыто вышел к дороге и максимально дружелюбным голосом проговорил:

– Мир тебе, добрый человек.

Мужик вздрогнул и рефлекторно схватился за топор, который лежал в телеге, испуганно зыркнув на меня из-под густых бровей. Разглядев мою форму, он часто-часто начал креститься и что-то приговаривать. Так продолжалось минуты три, которые я терпеливо выдержал. Поняв, что ему ничего не угрожает, он с интересом стал меня рассматривать с ног до головы, оценивая мою пятнистую форму и карабин, который я держал наготове стволом вниз, при этом оставив правую руку на пистолетной рукоятке, а палец на спусковом крючке.

– Не поможешь ли заблудившемуся путнику?

Он нехотя ответил. В глазах у него блеснуло что-то такое, неприятное, алчное.

– Почему не помочь, коль человек заплутал.

– Ну, вот и хорошо. Ты не бойся, добрый человек, я не сделаю ничего худого, поэтому положи топорик на место…

Это ему явно не понравилось, он еще раз зыркнул прямо мне в глаза и, видимо, что-то там такое увидел, что не решился спорить, и заготовленная фраза о материальной помощи так и не была произнесена. По моему мнению, дело в том, что некоторое время назад я забрал много жизней и это как-то отпечаталось на мне, и знающему человеку это было прекрасно видно. Он нехотя положил топор и ответил:

– Спрашивай, барин.

– Тебя как зовут?

– Матвей.

– Скажи, Матвей, что это за страна?

Он аж охренел от вопроса.

– Так Россия, барин.

Причем выговорил как-то шкодно, что еще раз уверило в том, что я попал в прошлое.

– Российская империя?

Он согласно кивнул головой.

– Хм, это уже становится интересно. А какой сейчас год от Рождества Христова?

Это его добило. Уже более растерянно он отвечал:

– Так, тыща восемьсот пятьдесят третий.

Сам того не замечая, я проговорил вслух.

– Вот даже как. Скоро, в следующем году, будет Крымская война, и Россию отымеют, как давно этого не делали. Это я удачно попал, Нахимова увижу, а то все памятники да памятники…

Мой собеседник начал снова креститься, посматривая на меня.

– Скажи, Матвей, а чья тут рядом усадьба?

– Барыни нашей, Лизаветы Семеновны Михеевой.

– Лизавета Семеновна? А титул у нее есть?

Он задумался, но вразумительного ответа дать не мог. Вроде графиня, но информация не точная. Ну ладно.

– Чьи усадьбы рядом еще есть?

Он уже спокойно почесал затылок и начал перечислять. У меня снова начала болеть голова, и большинство его трепа я пропустил мимо ушей, но вот кое-что интересное успел вычленить. Во-первых, мы находимся в Тульской губернии недалеко от села Суры. А вот в верстах десяти возле Новоселок живет интересный человек, генерал от артиллерии граф Осташев, «очень ученый человек», как сказал мой собеседник. Судя по тому, что о нем рассказал Матвей, вроде человек адекватный, без крепостных заскоков, но тут придется понаблюдать.

Я подробно расспросил у крестьянина, как добираться до этих Новоселок, основные ориентиры и примерные расстояния – это, конечно, была пытка, я и так его понимал с пятого на десятое, тут у человека система ориентиров вообще какая-то дикая. На прощание я его угостил шоколадом в цветастой упаковке. Он с удивлением смотрел на сей незнакомый предмет, поэтому пришлось достать из кармана вторую шоколадку, надорвать упаковку и, откусив кусок, угостить этого человека. Он, распробовав шоколад, как-то по-мальчишески улыбнулся и уже добродушно что-то пробормотал про дочек. Я с ним попрощался и попросил про нашу встречу сильно не рассказывать, но как-то сразу не поверил в его уверения.

Потом был марш-бросок, еще одна ночевка в лесу, и уже к обеду я вроде как был возле усадьбы генерала. Тут опять устроил себе лежку по всем правилам маскировки и, вооружившись биноклем, приготовился к долгому лежанию. Наблюдение в принципе не дало ничего особенного, ну разве что создало мнение о генерале, как о рачительном хозяине и весьма предусмотрительном человеке. Он несколько раз появлялся в поле зрения, в старомодном мундире, что-то обсуждал с мужиковатым дядькой лет пятидесяти, одетым в дорогую гражданскую одежду, которая сейчас, наверное, является писком моды. Потерев уже небритую щеку, я понял, что начинаю уставать от этих бродилок по лесу, и, приняв для себя решение, встал, отряхнулся, привел в порядок форму, скрутил с карабина глушитель, накрутив вместо него простой дульный тормоз-компенсатор, и поменял магазин, заряженный обычными охотничьими

патронами.

Я шел по дороге, ведущей к усадьбе, мимо ухоженных зарослей, наслаждаясь весенним солнцем и свободой. Рядом с цветущего сада легкий ветерок доносил обалденный аромат, и голова немного кружилась от недавно перенесенных потрясений. С поля раздалось мычание, и несколько коров, подгоняемые мальчуганом с палочкой, медленно плелись в сторону деревеньки, расположенной в паре километров. Но все мое сознание радовалось этим минутам, я чувствовал, что начинается новая интересная жизнь, сильно отличающаяся от той серости, которая меня угнетала в последнее время.

Когда подошел к дому, многочисленная дворня с удивлением уставилась на мою пятнистую упаковку. Я явственно услышал шепот, многие крестились, а людей все прибавлялось и прибавлялось, причем практически все поглядывали на меня не сильно дружелюбно, а кое-кто воинственно держал в руках вилы, палки и топоры. Уж как-то не сильно вязалось это с моим представлением о русских нравах середины девятнадцатого века. Как мне помнится из истории, в России возникает большое количество крестьянских восстаний, которые жестоко подавляются, но общая тенденция тяжелого системного кризиса империи налицо.

Ладно, придется и мне показать себя и ведь получилось: уверенный, явно агрессивный вид вооруженного человека, готового завалить любого, кто попробует встать у меня на дороге, производил на всех вокруг впечатление. Вызванный кем-то из дворни, на лестнице, ведущей в дом, меня встретил управляющий, тот мужик в дорогом костюме, с которым во дворе появлялся генерал. Он быстро окинул меня оценивающим взглядом, прикинул качество и соответственно стоимость моей снаряги, с видом знатока удивленно остановил взгляд на карабине, после чего сделал вывод, что я не простой босяк с улицы, и чуть надменно, но без хамства, поинтересовался:

– Чем могу служить, милостивый государь?

– Я бы хотел увидеться с генералом графом Осташевым.

Его брови удивленно поднялись, видимо, что-то не так сказал, но я пошел ва-банк, и обратного хода уже не было.

– Как доложить его сиятельству?

– Капитан Звонарев, войска специального назначения, по делу государственной важности.

Управляющий еще раз оценивающе обвел меня взглядом, но, тем не менее, провел в гостиную, где молоденькая служанка, которая буквально лопалась от любопытства и, постреливая глазками как главный калибр «Миссури», тут же принесла поднос с холодным квасом. Класс, вкуснятина, натурпродукт, честное слово.

– Я доложу его сиятельству.

Я ухмыльнулся.

– Буду ждать. У меня время есть.

Опять что-то сморозил. Управляющий так зыркнул на меня, что пришлось в ответ глянуть ему в глаза. Это на него подействовало, и он уж слишком торопливо скрылся где-то в доме.

Пока было время, я с интересом осматривал внутреннюю обстановку гостиной, удивляясь тому, как в своем камуфляже, тяжелых армейских ботинках, бронике с карабином на плече и трубой РПО за спиной выгляжу здесь чужеродно. Я залюбовался большущим полотном в позолоченной раме, на котором мастерски был изображен всадник в мундире еще петровских времен, с кавалерийским палашом в руке. Погрузившись в созерцание искусно изображенных поверженных шведских солдат, не заметил, как в гостиную вошел генерал. Он некоторое время с интересом разглядывал меня со спины, как бы оценивая ту картину посетителя, что ему описал управляющий, и кашлянул для приличия, чтоб привлечь внимание. Я резко повернулся, по привычке сделав шаг в сторону, как бы уходя с возможной линии огня и подхватывая карабин для отражения возможной агрессии.

– Ну, господин капитан специальных войск, я вас слушаю…

* * *

В другом времени и в другом мире, в городе Прага, в небольшом кафе, хозяином которого был эмигрант, родом с Херсона, давно и плотно сидевший на крючке военной разведки Генштаба Министерства обороны, сидели два мужчины и маленький пятилетний мальчик. Светловолосый с темными глазками, он с донельзя серьезным видом сосредоточенно ковырял ложкой кусок торта и запивал его соком. Сидевший рядом мужчина ласково погладил его по голове и тихо проговорил:

– Вылитый Санька…

Второй разлил по рюмкам водку из небольшого чуть запотевшего прозрачного графинчика. Дождавшись, когда собеседник подхватит рюмку, он коротко чокнулся и выдал:

– За Саньку Звонарева.

Второй, удивленно подняв глаза, проговорил одними губами:

– Дима, так ведь не чокаясь…

– Пока тело не нашли, он считается пропавшим без вести, а не мертвым.

Второй, Михаил, выпив, чуть скривившись, продышался и подтвердил:

– Согласен.

– Ну что, Миха, там творится? А то после событий в Крыму мне спецпроверку устроили, поэтому в этом направлении дрыгаться не могу – все мои операционные возможности пока заморожены.

– Да у меня то же самое. Приезжал следак из внутренней безопасности, мозги конопатил, но, судя по намекам, никаких предъяв мне не будет, хотя мое участие в этих событий, несмотря на все наши кружева с легендами и хитрыми заходами, никто не ставит под сомнение.

– И?

– Все будут молчать, но в Конторе решили, что для стабилизации ситуации в Крыму, да и для авторитета организации, это будет даже полезно…

Олег не выдержал и ухмыльнулся.

– Это как?

– Убили жену бывшего сотрудника СБУ, он отомстил – весьма жестко и профессионально. Всем известно, что бывших не бывает… У нас ведь тоже люди работают и у всех есть семьи – жены, дети, и никто бы не хотел оказаться на месте Саньки, а тут такой прецедент. Всех заинтересованных лиц неофициально предупредили, что в дальнейшем таким действиям, при угрозе жизни сотрудникам органов госбезопасности и членам их семей, препятствовать не будут. Менты, конечно, что-то вякали, ну тут Контора пошла на принцип, и дело просто замяли. Официально Звонарев с сыном за границей, и то, что его карабин наследил там, на холмах, никак с Санькой не будет связываться.

– Что дала поисковая операция?

– А ничего. Наши провели свое расследование и все там облазали и выдали те же результаты.

– Реальные?

– Реальнее некуда… Саня специально свернул с дороги и вместе с машиной сорвался в пропасть. Следы вроде как есть, но ни машины, ни тела никто не нашел.

– Может, все-таки ушел?

– Нет. Ни на одном из подготовленных каналов отхода он не засветился.

– Будем считать, что отсиживается где-то на левой хате, может, ранен, но рано или поздно Санька выйдет на связь, поэтому будем пить только за его здоровье…

Тем же вечером в Симферополе в небольшом офисе фирмы, которая занималась системами безопасности, в закрытом кабинете за бутылкой водки сидели два других человека и тоже вспоминали Александра Звонарева. Это были его компаньоны Юрий Панков и Сергей Оргулов.

– Серега, ты уверен?

– У Витьки Кузьмина завязки в СБУ остались. Санька устроил настоящую бойню. Завалил штук пятьдесят зверьков, а тех, кто убил его жену, вообще подорвал – хоронить нечего…

Панков молча разлил водку по рюмкам.

– Ты говоришь, что погиб. Как?

– Его Беркут загнал, так он в машине специально в пропасть рванул…

– Мать. Такие ребята из жизни уходят. Из-за каких-то подонков… Ну, почему так происходит?

– Борисыч, ты же знаешь, что первыми уходят всегда лучшие.

Борисыч принял чуть больше своей нормы и, смотря перед собой, отстраненно проговорил:

– Серега, ты чувствуешь, что пахнет кровью?

Оргулов, разжевав маринованный огурчик, согласно кивнул.

– Это только начало…

* * *

Генерал Осташев оказался вполне приятным и весьма умным человеком, и в особой доверчивости его упрекнуть никак нельзя было. Взгляд из-под густых, седых бровей умудренного жизнью человека, как рентгеновский аппарат,

просвечивал до самого донышка, и у меня пропало всякое желание развешивать лапшу ему по ушам. На предложение поговорить без лишних глаз, да не в доме, он отнесся вполне спокойно и на мои уверения, что ему абсолютно ничего не угрожает, усмехнулся в усы и коротко ответил, что старику, у которого все в прошлом, уже поздно чего-то бояться.

К моим словам, что я путешественник из будущего, он отнесся вполне спокойно и без особого сарказма, но убедить его было трудно. Оружие, экипировка, даже MP3-плэйер произвели на него определенное впечатление, и в первом приближении он принял мое объяснение. Дальше я вкратце рассказал ему историю Российской империи, без особых подробностей, но и этого ему хватило, чтобы посуроветь лицом и уже другим тоном, более жестким, начать уточнять подробности.

Удовлетворив свое любопытство и выяснив множество деталей, которые трудно было бы придумать среднестатистическому ненормальному, он задал серьезный и, кажется один из главных вопросов:

– Кто вы по-настоящему, Александр Владимирович?

– Я? Хм. Это длинная история. По образованию военный моряк. В две тысячи первом году закончил Севастопольский военно-морской институт имени адмирала Нахимова…

Это его заинтересовало. Нахимова уже знали, и то, что его именем в будущем назовут военно-учебное заведение, добавило определенный плюсик в ведомости, где он ставил положительные оценки достоверности моего рассказа.

– …Долго служил в армии и на флоте, потом перевелся в военную контрразведку…

Так, неспешно идя по весенней дороге, мы вышли в сад и, увлеченные моим рассказом, не заметили, как подошли к покрашенной белой краской беседке на берегу небольшого пруда.

Вдалеке виднелся дворецкий, который вроде как прохаживался мимо по своим делам, но реально следил за нами. Я обратил на это внимание Осташева, но он

только отмахнулся – его преданный человек.

Мне показалось, что генерал до конца все еще не верит, но желание выговориться было настолько сильным, что из меня информация о будущем пошла потоком. Рассказ про смерть жены, казнь преступников, расстрел колонны боевиков, погоню и срыв в пропасть произвел на него впечатление, а весть о том, что в лесу, в десяти верстах, находится машина из будущего, заставила его чертыхнуться: видимо, репутация хозяйки того леска была соответствующая.

Предвосхищая его слова, сам успел предложить:

– Неплохо бы ее перегнать к вам, а то хозяева того леса найдут, будут права предъявлять, и придется потом с боем отбивать. Тем более там барыня Лизавета Семеновна, особа весьма жадная и своевольная. Я, конечно, не боюсь, силой отбить машину можно, опыт есть, но как-то не хочется начинать новую жизнь, пролив кровь своих соотечественников…

– Да-да, я велю оседлать лошадей.

– Ваше сиятельство, Павел Никанорович, мне, конечно, стыдно в этом признаться, но в нашем времени на лошадях никто давно не передвигается, и тут в седле я буду смотреться как собака на заборе.

На этом мы прервались. Догадливый управляющий, который, оказывается, при генерале начинал денщиком, когда тот был только молоденьким офицером, выпускником артиллерийского училища и прошел с ним через войны и походы, поэтому пользовался безграничным доверием, уже распорядился и в столовой нас ждал обед.

После конкретного перекуса, когда я после нескольких суток поедания сухпаев оторвался на натурпродуктах, генерал велел запрягать бричку и после моего уточнения относительно леса, дал команду из Новоселок прихватить с собой десяток мужиков с топорами и пилами для прокладки дороги, если не получится протащить джип между редкими деревьями.

Определенное недоверие и скептицизм со стороны генерала я чувствовал, но прекрасно понимал, что вопрос слишком серьезный и со стороны графа

надеяться на доверие было бы глупостью. Но при этом ясно было видно, какое генерала получал удовольствие от всей этой ситуации и, главное, от суеты и интриги. Мне кажется, этому деятельному человеку в последнее время как раз не хватало именно этого. Он явно не дурак, как нам в свое время представляла царский генералитет советская пропаганда, и сразу смекнул, какие возможности перед ним открываются, поэтому прихватить под свое крылышко всё, что касается вещей из будущего, пока его никто не опередил, для графа Осташева стало весьма интересной задачей.

К вечеру мы выехали на дорогу, где совсем недавно мое скромное тело в первый раз вылезло из леса в этом мире. Оставив мужиков, как бы отдыхать, углубились в лес. Поплутав около часа, пока я не нашел свои следы, мы уже спокойно вышли к памятному дубу, где как символ чужеродности в этом мире стоял и дожидался хозяина мой джип.

Отключив пультом сигнализацию и забравшись на водительское сиденье, я открыл дверь генералу, который с превеликим трепетом сел на переднее сиденье и осторожно прикрыл за собой дверь. Уже, скорее, по привычке включив приемник и запустив с флэшки композицию «Любэ», и услышав, как из дорогущей акустики полилась музыка, поразился тому, как изменилось лицо генерала графа Осташева. К моему изумлению, по его щеке текла слеза, и, заглушив звук, я услышал его бормотание.

– …Боже, спасибо, я же знал, что нас ждут великие потрясения, но Ты послал вестника, дал шанс… Егорка погиб, не дожил…

«А ведь старик прав…»

Я не стал ничего говорить, вылез из машины, отошел к дубу и присел, прислонившись спиной к дереву, попытался расслабиться. Есть такие люди, которые могут потом не простить, если их видели в минуту душевной слабости. Генерал – немолодой дядька и, видимо, кого-то потерял, поэтому лучше дам ему побыть одному и полностью осознать, что пришелец из будущего – это реальность, а не мистификация. Просидев так минут пятнадцать и ощущая спиной жесткие линии коры дуба, я почти задремал, когда услышал характерный звук закрываемой двери и, открыв глаза, обнаружил стоящего возле меня графа. Он пристально рассматривал меня, пытаясь заглянуть глубоко в душу. Я не стал отводить взгляд, смело и спокойно ответил ему. Такая дуэль продолжалась мгновения, но она позволила добиться намного большего, чем

несколько часов самого откровенного общения.

Легкая усмешка и живой блеск глаз на покрытом морщинами лице сказали мне многое – проверку на вшивость я прошел. Генерал не мальчик и на сказки, конечно, не повелся, все это время он тщательно наблюдал за мной и сейчас наконец-то принял окончательное решение. Сев рядом и чуть помолчав, граф Осташев спокойно проговорил:

– Александр Владимирович, пора домой, а то часом действительно госпожа Михеева попытается нам помешать, а вы человек непростой, чувствую, не позволите ей…

Что я не позволю, он не стал продолжать, но выразительный взгляд на карабин, с которым я не расставался, дал понять, в какую сторону его завели логические рассуждения.

– Вы правы, Павел Никанорович.

Уже целенаправленно исследуя возможный путь вывода машины из леса, мы постоянно говорили с генералом, точнее я рассказывал все, что помнил из истории. И про Первую мировую войну, про крах империи, про революцию, про СССР, про Великую Отечественную, про развал страны, про капитализм.

Поплутав по лесу и разобравшись с маршрутом, мы наметили несколько мест, где все-таки мужикам придется поработать пилами и лопатами. Пришлось идти к нашему строительному батальону, нарезать задачи и ждать, когда все, при свете факелов, будет выполнено. Проконтролировав качество выполнения работ, а время-то уже близилось к рассвету, мы с генералом вернулись к дубу и снова уселись в джип. Я повернул ключ, и старый друг тихо заурчал, показывая, что готов к движению. Осторожно объезжая деревья, уже к рассвету удалось выехать на дорогу, где нас ждали крепостные генерала и несколько крестьян из близлежащей деревни, которые заинтересовались тем, что тут делают чужие мужики.

Появление джипа вызвало сенсацию.

Прежде чем все попытались разбежаться, Осташев накричал на мужиков и приказал возвращаться обратно и держать язык за зубами.

Выехав на дорогу, где я смог более-менее развить скорость до сорока-тридцати километров в час, мы с генералом под классическую музыку, флэшка с которой имелась у меня, с максимальным комфортом для этого времени поехали обратно в усадьбу графа Осташева.

Глава 3

Какая жалость, что я не художник. А то написал бы картину «Прибытие джипа в поместье». Такие удивленные физиономии я еще никогда не видел. Да, мой «Паджеро» цвета золотистый металлик и в наше время производил впечатление, особенно, когда его помоешь и натрешь мастикой, ну а тут вызвал фурор.
Я сделал круг по двору, подъехал прямо к лестнице, где нас ожидал невозмутимый управляющий, имя которого я пока не удосужился узнать. Мы вылезли из машины и стали искать место, где джип обретет приют на ближайшее время. По команде генерала в сарае освободили место, и я осторожно, задним ходом загнал туда машину, поставил ее на сигнализацию и вместе с хозяином дома пошел завтракать. Учитывая, что ночь была весьма насыщена событиями, мы позволили себе вздремнуть до двух часов дня. Все это время моя машина была предметом интереса всех обитателей усадьбы и близлежащих сел. Если б я знал, во что это все выльется, то наверняка перекрасил бы машину в черный цвет и перегнал ее ночью, замаскировав под самопередвигающийся стог сена.

Конечно, никто не пробовал ее трогать, но вот народа вокруг сарая прибавилось и особенно вездесущих мальчишек. Открыв окно, я с удивлением услышал разговоры про «золотую повозку, которая сама ездит».

Рывком поднявшись с кровати, уже привычно провел рукой по стоящему рядом карабину, который всегда теперь был на расстоянии вытянутой руки. Умывшись с помощью расторопного и говорливого парнишки Тимохи, я натянул камуфляж, оставил на бедре тактическую кобуру с ПМ и, повесил на плечо карабин, со сложенным прикладом, пошел в гостиную, где меня ожидал генерал.

Там ждал опять обильный обед, ну, честное слово, мне здесь начинает нравиться. Окинув мой наряд и особенно камуфляжную куртку навыпуск

и карабин на плече, граф иронично ухмыльнулся, но промолчал. Через десять минут, когда я пытался есть с аппетитом, не чавкать и думать о будущем, Осташев, вытерев губы салфеткой и показывая, что для него обед закончен, пытливо посмотрел на меня и коротко спросил:

– Ну-с, Александр Владимирович, какие у вас планы на будущее?

Я, ожидавший этого вопроса, решил его чуть осадить.

– Вам на каком уровне? На тактическом, стратегическом или так, на ближайшие десять минут?

С моей стороны, это выглядело несколько по-хамски, но и вопрос был с подковыркой. А генерал, жучара, внимательно наблюдал за мной из-под кустистых бровей, опять на устойчивость и податливость проверяет.

– Вот это бы и хотел обсудить, Александр Владимирович. Чего вы собственно хотите делать? Уж простите меня старика, но вы никак не похожи на пламенного юношу, озабоченного судьбой Родины.

– Так оно и есть. Спасать мир – неблагодарное занятие. Знаете, как оно говорится: «Благими намерениями усеяна дорога в ад». Просто как-то страшновато заниматься корректировками истории, вдруг будет еще хуже.

– Конечно, я об этом тоже думал, но то, что вы мне сообщили, чудовищно, и мой долг русского офицера постараться избавить Отчизну от такой участи.

– Ну, так и я не против, но для меня сейчас главное легализоваться. Иначе все мои попытки будут обречены, и, скорее всего, это закончится подвалами Петропавловской крепости, что-то в качестве железной маски, и это в лучшем случае, а в худшем, наши друзья масоны просто по-тихому удавят, как яркий пример пагубности всей их деятельности для России.

– Вы уже думали над этим Александр Владимирович? Сдается мне, что о вашем необычном появлении вскоре будет судачить вся губерния.

– Да уж, о какой-либо конспирации поздно говорить – засветился я знатно, но и тут можно найти свои плюсы.

– Какие же? Вы что-то придумали? Изложите свои соображения, а то мне в голову приходит пока только роль иностранного инженера русского происхождения…

Видимо, его этот разговор начал забавлять. Как мне показалось, что энергичному дедку до чертиков надоела тихая, размеренная жизнь помещика из глубинки и просто не хватало соответствующей цели и экстрима.

– В общем-то, вы правы, Павел Никанорович. Основное предположение – я никогда не смогу себя выдавать за местного. Тут и незнание языка – мы с вами и так с трудом общаемся, я часто вас не понимаю, и вы можете только догадываться о смысле многих моих словечек. Незнание реалий жизни – на любой мелочи спалюсь с ходу, и смысл при таком раскладе выдавать себя за местного? Это только насторожит всех вокруг и заставит обратить самое пристальное внимание на мою скромную персону. Так что вы абсолютно правы, придется разыгрывать приезжего гостя-инженера со множеством странностей, объясняемых его заграничным воспитанием. Поэтому я буду продолжать расхаживать в своей пятнистой форме, с карабином и пистолетом, чудить, как это принято на Диком Западе в Америке, а потом, по мере того как буду «изучать» местные обычаи, переоденусь и начну вести нормальный светский образ жизни.

За время моего монолога граф Осташев смотрел на чашку с чаем и задумчиво играл серебряной чайной ложечкой.

– В этом есть смысл. Вы в несколько иной форме выразили мои соображения. Но есть одна проблема.

– Какая?

– У вас нет никаких документов, подтверждающих личность и, тем более, подтверждающих факт пересечения границы.

– Я надеялся, что у вас есть возможность решить этот вопрос, поэтому и пришел к вам.

– Это не так-то легко. Вы какие языки знаете?

– Английский, но настолько слабо, что никак не смогу сойти ни за англичанина, ни за американца.

Его аж покоробило.

– И все? – Это было сказано таким тоном, что мне стало немного стыдно за свое образование. Он от возмущения бросил на стол чайную ложку, та со звоном ударилась о фарфоровый чайник и упала на пол.

– Хорошо, я подумаю.

– Это еще не все. Есть еще один момент, который бы хотел осветить.

Генерал вопросительно глянул на меня.

– Свидетелем моего появления были крестьяне: ваши, которые помогали в прокладке пути, и те, кто проживает рядом с тем лесом и прибежали поглазеть на нашу возню. Они по-любому будут болтать языком, и, несмотря на ваш запрет, скоро вся округа будет знать про джип и про мое появление. А там и ваши соседи-помещики узнают и начнут интересоваться. По моим скромным подсчетам через два-три, ну четыре дня к моей скромной персоне проявят самый пристальный интерес местные органы правопорядка.

– Тут можете не волноваться, Александр Владимирович. Полковник Маркелов, городничий нашего уезда, мой старый знакомый еще по турецкой кампании. Наверное, придется к нему наведаться…

– Было бы неплохо. Только надо будет обговорить детали, чтоб потом не попасться на мелочах. Все-таки я тут как новорожденный.

На этом генерал закончил разговор и удалился в свой кабинет, а я отправился к машине, провести инвентаризацию того, что у меня есть в наличии интересного и полезного применительно к сложившейся ситуации.

Войдя в сарай, где стоял мой джип, я разблокировал замки. Машина радостно пикнула, откликнувшись на нажатие кнопки на пульте. Оставив для света открытыми ворота сарая, я уселся на водительское сиденье и включил приемник. На всякий случай еще раз просканировал эфир и, не словив ничего, включил флэшку с музыкой. Посидев так и насладившись песнями своего времени, я принялся за дело.

Столпившимся возле дверей крепостным, которые тихо переговаривались и пялились на мою машину, приказал принести чистой ткани. Расторопный Тимоха, на правах старого знакомого, быстро притащил большую холстину и помог мне ее расстелить. Потом я долго выкладывал свое имущество. Два карабина «Форт-201», гражданские переделки десантного АКМС со складным прикладом. К ним шли шесть заряженных охотничьими патронами стандартных металлических тридцатипатронных магазина. Один СКС с не совсем обычным дульным тормозом и оптическим прицелом. Заинтересовавшись такой доработкой, я скрутил ДТК и с удивлением обнаружил, что на карабине заводским способом нарезана резьба, такая же, как и на моем АКМе, а это значит, что я смогу на него ставить свой глушитель и использовать оружие в качестве такой суррогатной снайперской системы. Гладкоствольная «Сайга 12К» в легионовском исполнении, две обычные охотничьи горизонталки 12-го калибра и полуавтоматический «Бекас» и к ним россыпью более пяти сотен охотничьих патронов 12-го калибра. Потертый АКМ с деревянным прикладом, два АКС-74у с восемью магазинами, набитыми армейскими патронами, четыре боевых ПМ с запасным магазином к каждому из них и россыпью около двух сотен патронов. Что-то мне говорило, что это было собственностью МВД Украины и самым безобразным образом прихвачено на разборку действующими сотрудниками органов внутренних дел. Три травматические переделки ПМ и два револьвера, и как верх технической мысли на почве уничтожения себе подобных – два револьвера Кора Брно под патрон Флобера, расточенные под малокалиберный патрон, и к ним четыре упаковки этих патронов. Рядом положил пулемет Дегтярева, который был практически в заводской смазке, к нему два плоских, похожих на блины диска и РПО «Шмель». К этому всему богатству прилагалось более трех тысяч охотничьих патронов для моего карабина 7,62?39, расфасованных по пачкам на 20 штук, нераспечатанный цинк таких же, но армейских боеприпасов, три сотни патронов УС (уменьшенной скорости), подаренных Димкой. Россыпью три тысячи боевых патронов 7,62?54 – для пулемета, три сотни таких же, только в охотничьем исполнении, шесть толовых 400-граммовых шашек, пять наступательных гранат РГД, одна оборонительная Ф-1.

Отдельно выложил две полные двадцатилитровые канистры с дизтопливом, ноутбук и нетбук с двумя беспроводными модемами, двенадцативольтовый преобразователь и автомобильный аккумулятор, несколько комплектов украинского армейского сухого пайка в запечатанных пластиковых зеленых контейнерах, три светодиодных фонарика с запасными пальчиковыми батареями и три мобильника, с двумя незасвеченными симкартами.

Боеприпасы спрятал в машине, а оружие с помощью Тимохи перенес к себе в комнату и принялся приводить его в порядок. Несмотря на то, что тогда во время скоротечного боя противник успел по нам сделать всего несколько выстрелов, карабины и автоматы были в весьма запущенном состоянии, и пришлось потратить много времени на качественную чистку. Генерал, большой любитель охоты и оружия, видимо, извещенный вездесущим управляющим о моих манипуляциях, вежливо постучался и зашел ко мне в комнату, и через некоторое время мы уже вдвоем увлеченно разбирали и чистили автоматы Калашникова, и я на практике демонстрировал их устройство. Не будучи жадным и для поддержания отношений, я торжественно подарил полуавтоматический «Бекас» 12-го калибра генералу.

Познавательный разговор о стрелковом оружии будущего непроизвольно перескочил снова на наши планы – граф уже как-то само собой считал, что мы с ним в одной упряжке, и никак не желал сходить с дистанции, когда начиналось самое интересное.

Видимо, наш недавний разговор получал продолжение, и я решил, что появилась возможность пробить ситуацию и прояснить для себя некоторые моменты, необходимые для более основательного планирования:

– Какие у вас есть выходы на высшее руководство империи, чтобы можно было при определенном везении максимально эффективно использовать информацию и технологии из будущего?

Генерал задумался, и эта пауза для меня сказала очень многое. Я и до этого предполагал, что у него не все так просто было с отставкой, уж слишком он умный и непоседливый. А несколько брошенных фраз подтвердили мое предположение: Осташев относился к тем боевым генералам, которые большее время проводят в войсках, участвуют в походах, в войнах, а все теплые местечки вокруг трона занимают другие люди. Такая система распределения власти как раз и являлась основным препятствием для моих планов. По тому, как у генерала

погрустнел взгляд, стало ясно, что прямых каналов выхода на членов императорской фамилии у него нет, и по некоторым оговоркам и – к тем, кто бы мог посодействовать, – тоже. Да тут и в губернии у него позиции оказались не самыми завидными, видимо, дедушка успел составить о себе «хорошее» мнение. Вывод таков – как покровитель для дальнейшей легализации далеко не самая лучшая кандидатура. Но в моей ситуации все равно уже ничего не попишешь, ставка сделана, хотя как по мне, а интуиция редко подводит, вроде и человек не сволочной, надежный. Я таких в армии видел – их не много, но во время войны именно на таких генералах держится армия.

– Н-да, весело…

Мои мысли вроде как никто прочитать не мог, да и выражение лица я контролировал, но мой гостеприимный хозяин все просек и немного обиделся. Пришлось идти на маленькую военную хитрость – уважить старика, тем более, в общем-то, я говорил правду, но выраженную в высокопарных выражениях.

– Павел Никанорович, прежде чем к вам идти, я ж все обдумал и взвесил. Ну, подумайте, а если б на вашем месте оказался титулованный мерзавец, который бы воспользовался и информацией, и предметами из будущего для личной выгоды, не задумываясь о судьбе России. Таких же много, они были и будут и они опаснее сотни дивизий противника…

Старик посопел, но переключился на конструктивный разговор:

– Хорошо, Александр Владимирович. Скоро начнется Крымская война, и она будет проиграна Россией в связи с технической отсталостью?

– Не только. Казнокрадство, не самое лучшее управление, грубейшие ошибки в прогнозировании развития ситуации, плюс комбинированное давление практически со стороны всех стран Европы, которое могло перерасти в крупномасштабную войну на западных рубежах империи. Боевые действия происходили и на севере, и на Дальнем Востоке, но там все было так, для создания видимости, а основные и трагические события происходили в Крыму. А теперь давайте думать, чем сможем помочь. Как я понял ни к императору, ни к Наследнику у вас выхода нет, и нас туда просто не допустят, ну и ладно, это даже лучше.

– Почему же?

– Мое присутствие здесь – это бомба, которая может перекроить всю карту мира. А при нынешней системе государственной безопасности о моем появлении в поле зрения кого-то из членов императорской фамилии сразу станет известно, и не сомневаюсь, что англы примут меры и в лучшем случае меня удалят со двора, а в худшем отравят или выкрадут, и буду я как соловушка рассказывать извечному врагу России секреты будущего.

Генерал скептически покачал головой.

– Да-да, господин генерал. Информация о будущем, военно-техническая, политическая – это оружие очень страшное, и та страна, кто ее будет иметь, получает неоспоримое преимущество.

– Так почему вы не хотите это все использовать на благо России?

– Да потому что, как бывший офицер контрразведки могу ответственно заявить: вокруг высшего руководства державы вертится столько и простых агентов, и агентов влияния, и просто тупых болтунов, которые, чтоб показать свою значимость, сольют нас с потрохами нашим же противникам, и тогда начнется охота за предметами и информацией из будущего.

– Странные у вас выражения, я часто вас не понимаю, но общий смысл до меня дошел. Так, что вы все-таки предлагаете?

– Павел Никанорович, у меня, так же как и у вас, было время обдумать ситуацию, и я пришел к неутешительным выводам. Первое: я всего лишь военный и не в курсе, как делать автоматы, карабины, как строить самолеты, двигатели внутреннего сгорания и все то, что для нас является обыденностью.
Я пользователь, не более того, поэтому что-то могу рассказать, но никакой пользы в ближайшем будущем от этого не будет. Есть, конечно, предложения, но это нужно собирать ученых, нарезать им задание, жестко указывать направление движения, но тут есть одна проблема – режим секретности. Даже если я сейчас что-то предложу, то вследствие вашей технической отсталости новинка быстрее появится у англичан и американцев, нежели в России, и будут эти смертоносные игрушки убивать русских солдат. Во-вторых, если мы попытаемся все это двинуть частным порядком, у нас с вами нет таких

денежных ресурсов, чтобы попытаться организовать какое-либо производство и нанять людей. Вы – честный человек, а такие, как правило, не отягощены богатством. Попытаться добыть или заработать – это надо время и все те же деньги для стартового капитала. Да, у меня в ноутбуке можно порыться и поискать места залежей золота в Сибири, Африке, Америке, но это опять же время, необходимое на розыски, на разработку, и ресурсы снова на обеспечение режима секретности. Как вариант, пограбить грабителей…

– Хм. Поясните, уж очень необычно звучит.

– Отправиться в Европу и ограбить несколько банков. С моим оружием это не проблематично, но это все равно, что оставлять свои документы на месте преступления. Без стрельбы не обойдется, а такое оружие сразу заметят, и не дай бог, оно попадет в руки наших противников…

– Значит, мы ничего не можем, несмотря на все ваши игрушки?

– Тут вопрос в другом: а надо ли?

У генерала поднялись брови, и он удивленно, скорее даже оскорбленно, уставился на меня. Голосом, полным арктического холода, он медленно и с расстановкой выдал:

– Объяснитесь, милостивый государь.

– Вы неправильно меня поняли…

– Александр Владимирович, вы уж определитесь, что вы хотели сказать, право слово, со стороны выглядит неприглядно.

Мне пришлось взять паузу и собраться с мыслями, чтоб хоть как-то выкрутиться из сложившейся ситуации, поэтому начал издалека, несмотря на неудовольствие генерала.

– Есть причины, есть следствие, а у нас это называется причинно-следственная связь. Так вот, начавшееся в конце пятидесятых годов девятнадцатого века активное и массовое перевооружение русской армии и флота, хорошо

проработанная и неплохо выполненная экспансия империи на юго-восток и присоединение огромных территорий, захват Самарканда и Бухары – все это стало результатом позорного проигрыша в Крымской войне. Если Россия выиграет эту войну, в чем я очень сомневаюсь, то ничего этого не будет и следующая война будет проиграна еще позорнее – вот, к чему я веду. Сами знаете, сколько среди генералитета персон, желающих жить и воевать по старинке. Тем более в победившей стране нас никто слушать не будет, сколько бы мы ни отличились на поле боя.

– Вы предлагаете ничего не делать и дать России проиграть?

– Нет. Давайте сразу оговоримся – Россия по определению выиграть не сможет. Тут и колоссальное техническое отставание от европейских стран, и множество организационных проблем, логистика, элементарное воровство, размеры которого просто зашкаливали. Поэтому проигрыш в войне, плюс смена императора привели к серьезным подвижкам в стране.

– Так значит, мы ничего не сможем сделать?

– Ну, почему. На данном этапе перед нами лежит задача изменить результаты Крымской войны. Это, как минимум, подразумевает уменьшение потерь, как людских, так и финансовых, сохранение Черноморского флота. Как максимум, это нанесение противнику таких потерь, чтоб впоследствии всякое военное противостояние с Россией однозначно ассоциировалось с тяжелыми утратами. А теперь давайте подумаем, что можно для этого сделать. Не забывайте, что на первом этапе ведущую роль играли флоты Англии, Франции и Турции. А я все-таки военный моряк, и тут можно помочь нашим морякам, так сказать, не привлекая внимания к нашим скромным персонам, а когда добьемся определенных результатов, на фоне поражений остальной армии и флота, можно будет выходить на Наследника, который через два года станет императором, и уже раскрывать перед ним карты.

– В чем будет выражаться эта помощь?

– Как первый вариант, самый жесткий и эффективный, мне, в сопровождении помощников, прокатиться по странам, будущим противникам, и просто ликвидировать ключевые фигуры: во Франции Наполеона III, который как раз и выделил основную часть сил для экспедиционного корпуса, в Англии устроить

диверсии в парламенте, отправив на тот свет несколько «ястребов».

Судя по выражению лица, генералу это предложение не очень понравилось и вызвало явное отторжение. На попытку пояснить, что наши противники давно этим промышляют, он не стал слушать, и чтобы не обострять отношения, я продолжил свою речь.

– Еще одна возможность – это диверсии против флота противника, когда мы уже будем в состоянии войны. Надеюсь, вы не против этого? Да? Ну, тогда продолжу. Я точно уверен, что смогу узнать, где и когда будут базироваться корабли, и там их можно будет заминировать. Они выйдут в море и там взорвутся, это в первую очередь будет касаться транспортов с живой силой и осадными орудиями. Вот это нам по силам.

Осташев глубоко вздохнул.

– Александр Владимирович, это только мечта. Как вы их сможете заминировать? Англичане не дураки и никого просто так не подпустят.

– А кто сказал, что я буду их минировать с берега? У нас давно отработана тактика подводных диверсий. Боевые пловцы со специальными дыхательными приборами, аквалангами, пробираются ночью под водой и прикрепляют к днищу кораблей подрывные заряды и так же тихо уходят. Не забывайте, что я все-таки военный моряк и учился на Черном море, так что те условия мне неплохо знакомы, к тому же в училище у нас была водолазная подготовка. Пруд у вас есть, и попытаться сделать и отладить несколько аквалангов вполне реально. Параллельно займемся изготовлением специальных зарядов, а то силы пороха для таких вещей явно недостаточно.

На пару часов мы углубились в обсуждение подробностей и нюансов, и в черновом варианте план действий был выработан.

После вечернего кофе я как бы между прочим закинул генералу еще одну удочку, которую подготовил давно…

– Есть еще предложение – это разработка противооткатного механизма для пушек. Я специалист немного в другой области, но в училище изучали корабельные артиллерийские комплексы, и кое-что смогу вспомнить, а тут

главное идея…

– Ну-ка, ну-ка… – заинтересованно подался вперед генерал артиллерии, который отдал службе добрые сорок лет.

Мы пошли к нему в кабинет, где на чистом листе я нарисовал схематический рисунок устройства современного артиллерийского орудия. На отдельных листах разбирались устройство казенника поршневого и клинового типа, назначение и принципы дульного тормоза, гидро- и гидропневматических амортизаторов. Осташев меня по этой теме пытал и выпытывал еще около двух часов, и я рассказывал все, что мог вспомнить. По возможности выдаваемая информация документировалась и с великой тщательностью складировалась. Тут были зарисованы разные варианты лафетов, я даже расщедрился и нарисовал 122-миллиметровую гаубицу Д-30.

После этого весьма познавательного и плодотворного разговора каждому из нас нужно было время на переваривание информации и обдумывание дальнейших шагов. Я сходил к джипу и забрал оттуда нетбук и внешний жесткий диск, куда по привычке скидывал любую заинтересовавшую меня информацию, и удалился в свою комнату, чтобы немного поработать. Генерал остался у себя в рабочем кабинете. Управляющий лично относил ему ужин и позже пару раз кофе, при этом шипел на слуг, чтоб не смели беспокоить их сиятельство.

Судя по тому, как изменилось отношение управляющего ко мне после приезда, на мой счет граф уже принял какое-то решение и о нем известил своего управляющего. Это выражалось в том, что все мои просьбы выполнялись бегом и без промедления, кофе в любое время суток и особенно скорый перекус. Еремей, а так звали управляющего, из желания прогнуться, даже намекал, что если будет необходимо, они мне выдадут грелку во весь рост – дворовую девку. Класс, я почти согласился, но передумал – потом вкусим все прелести крепостного права.

Еще по секрету Еремей рассказал много чего интересного: что генерал вдовец, что его сын Егорка погиб во время турецкой войны на Кавказе, что многие соседи проявили уже интерес к моему появлению. Пока это выражалось в подсылаемых к нам в поместье слугах, которые все изучали, расспрашивали и докладывали своим хозяевам, и в ближайшее время ожидались уже и официальные визиты «посмотреть на золотую повозку». Оказалось, что все дворянство вокруг было взбудоражено событиями в поместье графа Осташева

и все гадали, будет ли госпожа Михеева предъявлять претензии на найденные у нее в лесу сокровища, вывезенные графом Осташевым самым возмутительным образом. Меня это позабавило, но не более. Вера в автомат Калашникова как-то согревала меня, хотя, по зрелому размышлению, это была глупая бравада.

Я недолго сидел за компом, порывшись в своем архиве и найдя много чего интересного применительно к моменту, и с чувством выполненного долга лег спать.

Глава 4

Утром разбудили наглые петухи, которые своим истерическими воплями подняли и меня, насквозь городского жителя. Помучившись и покрутившись в кровати, решил немного поразмяться и пробежаться. Ведь договаривались с генералом, что я буду изображать эксцентричного иностранца. Поэтому натянув пятнистую футболку, брюки и берцы и на всякий случай прицепив набедренную кобуру с ПМ, прихватил MP3-плэйер, устроил неплохую утреннюю пробежку.

Вышедшие на утреннюю дойку крестьяне с удивлением смотрели на бегущего по дороге «рябого барина, который приехал на золотой повозке». А я просто бежал и слушал «Любэ», наслаждаясь чистым весенним утренним воздухом и вообще всей ситуацией. Давящее чувство уходящей серой жизни меня покинуло, и казалось, что передо мной раскинулся новый дивный мир, где открыты все двери. Такое чувство у меня было на следующее утро после выпускного в школе…

Утром за завтраком генерал выглядел не очень хорошо, видно было, что ночью он не спал, и для человека его возраста это далось нелегко. Я его понимал, тут революционный прорыв в любимой артиллерии, и сейчас перед ним забрезжила возможность изменить расстановку сил в будущей войне, которая должна быть позорно проиграна.

Дождавшись, когда я набью свою утробу после энергичной зарядки с ногомаханием и легкого боя с тенью, генерал, терпение которого было на исходе, уж слишком настойчиво пригласил меня к себе в кабинет, для продолжения разговора.

Оказывается, он уже проработал план, где ключевым этапом была вербовка некоторых его старых боевых товарищей, которые, как и он, не обладали большими финансовыми возможностями, но кто-то еще занимал государственные посты, у кого-то сын или племянник служил в гвардии и т. д. Простыми словами, это можно было назвать формированием сети агентов влияния. Так же он прикинул возможные денежные затраты на проведение разработок в области артиллерии в связи с переданной ему информацией. Сумма была не маленькой и составляла минимум десять стоимостей его поместья со всеми крепостными в придачу. В том, что мой знакомый готов, не задумываясь, продать всю свою собственность и вложиться в развитие артиллерии, я уже не сомневался, и мне стоило больших трудов убедить его это не делать по двум основным причинам. Первая была в том, что работы по аквалангам и взрывчатке я собирался проводить у него в имении. Второе – невдалеке было место, где я попал в этот мир, и где гарантия, что окно в будущее не откроется снова и у нас не будет возможности утянуть оттуда еще что-то интересное для повышения обороноспособности Российской империи.

По поводу его предложения по вербовке я тоже сделал несколько предложений.

– Павел Никанорович, вы честный и порядочный человек и такие же черты видите в окружающих, а мне пришлось послужить в системе, где как раз главной целью было использование людских пороков на службе у государства, так что в людях я разбираюсь получше вашего. Тут не обижайтесь, это правда. За время службы такого насмотрелся. Поэтому все, что будет касаться вербовки последователей, скажем так, допущенных к нашей общей тайне, я бы хотел взять на себя. Уж поверьте, вербовать – это была моя работа. Чтоб завербовать одного человека, приходилось отрабатывать человек десять, и по мере сбора информации, подготовки условий и обстоятельств, многие кандидатуры отсеивались, и оставались один или два человека, которых уже запускали в плотную проработку. Это кропотливая, тяжелая и неблагодарная работа, обычно связанная с копанием в грязи людских пороков. Иногда самому приходилось идти на подлость и создавать особые условия, чтоб у человека не оставалось других вариантов, как соглашаться работать на органы государственной безопасности. Да, подло, да, нечестно, да, омерзительно, но благодаря этому мы в самом зародыше успевали задавить воровство военных секретов, выявлять казнокрадов и вредителей, противодействовать разведкам противника. Да и сейчас, я не сомневаюсь, у всех государств есть такие службы, может, называются по-другому, что-то типа «тайной канцелярии», но смысл остается одинаковым. Пока не загрохотали пушки, свою тайную войну ведут

разведчики и контрразведчики, от удачливости и профессионализма которых может зависит больше, чем от нескольких дивизий кавалерии.

– Я это все прекрасно понимаю и разделяю ваше мнение. В том, чтобы вы принимали участие в … – ему с некоторым напряжением удалось выдавить это слово. – …вербовке сторонников, я нисколько не против, а в свете изложенной вами информации даже согласен, что в этом есть большой и глубокий смысл. Но хотел бы указать вам, Александр Владимирович, что это достойные люди, не раз подтверждавшие свою верность Отчизне и в быту, и на поле боя, поэтому мне бы не очень хотелось пользоваться вашими методами.

– Доверяй, но проверяй. Это мой принцип. И когда на кону стоят не тысячи и не миллионы, а сотни миллионов жизней, которые будут потеряны Россией во всех войнах будущего, некоторые морально-нравственные нормы должны быть, скажем так, подкорректированы.

Этот неприятный разговор был прерван осторожным стуком в дверь, и взволнованный Еремей доложил, что к господину генералу пожаловали гости – господин городничий с двумя приставами.

Еще ментов тут не хватало, к чему бы это? А червячок уже подсказывал – по мою душу народ прискакал с утра. Генерал ушел в другую комнату, где расторопный Еремей быстро переодел его в военный мундир, в котором Осташев выглядел уж очень представительно – множество наград впечатлило и меня, природного циника. Я, на всякий случай, заскочил к себе в комнату, привел в порядок форму и прихватил парочку гранат. Достал из кобуры ПМ, загнал патрон в патронник, осторожно спустил курок, так чтоб не произошло спонтанного выстрела, и, поставив на предохранитель, вернул в кобуру. Для открытия огня достаточно было выхватить оружие, большим пальцем снять предохранитель и чуть сильнее нажать спусковой крючок, для самовзвода курка – в обычных условиях это не делается, но в такой ситуации, когда возможно придется открывать огонь на поражение, может сэкономить две-три секунды. Я подошел к лестнице и стал прислушиваться к разговору в гостиной, где генерал принимал городничего.

Да, такого развития ситуации я и не предполагал. Форменный идиотизм, помноженный на природную человеческую жадность. А тетка, госпожа Михеева, быстро крутанулась и выставила предъяву генералу по всем правилам. Суть ее состояла в том, что граф Осташев с неизвестным человеком в характерной одежде, который до этого напал в лесу на ее холопа, нашел и вывез из ее леса

сокровища, не поставив в известность ни местные власти, ни, главное, ее – хозяйку, что расценивалось весьма негативно.

Поэтому городничий, испытывавший к его превосходительству генералу явную симпатию, ждал разъяснений и просил выдать некоего незнакомца в «рябой одежде» для следственных действий.

Ну, народ и оборзел. Не успели мы с Осташевым проработать план спасения России, так тут уже на нас наезжать начали. Через некоторое время по лестнице затопал Еремей с приглашением от генерала пройти в гостиную.

Еще вчера вечером я нашел на компе книгу, где мельком говорилось про городничих, и сейчас то, что такое должностное лицо прикатило к генералу в поместье, говорило о серьезности ситуации. Как правило, это были бывшие военные, обладающими авторитетом и наделенные особыми полномочиями, включающие частично и функции правоохранительных, следственных и судейских органов на местах. Поэтому пришлось спускаться.

В гостиной меня ожидали сам генерал и городничий – высокий седобородый, но крепкий дядька с красным лицом, что говорило об особом пристрастии к спиртному. Из уважения к генералу Осташеву оба пристава остались на улице и не принимали участия в разбирательстве.

Я вошел в комнату, оглядел гостя с ног до головы, остановив взгляд на его переносице и в уме как бы представляя, как выхватываю пистолет и стреляю ему именно в эту точку. Мой вид, а особенно взгляд произвел на гостя впечатление. Он долго и оценивающе смотрел на меня и после минуты молчания и борьбы взглядами, хохотнув, рокочущим басом выдал:

– Ну, каков орел, отца пришел защищать? Ишь, как зыркает, ну прямо басурманин, в горло готов вцепиться. Да ты не думай, мы с твоим отцом старые боевые товарищи и не раз вместе на турков ходили…

Вроде бы и голос дружелюбный, и построение фраз не напрягает, но вот взгляд этого здоровяка был настороженным, и это говорило о том, что ситуацию пока еще до конца не разрулили, хотя первый уровень напряженности уже пройден. А может, я со своими заходами переборщил.

Генерал сидел на стуле с прямой, напряженной спиной, при этом пытаясь создавать видимость невозмутимости. Когда городничий дотрындел очередную фразу про боевое прошлое, Осташев успел вставить:

– Александр, сынок, не беспокойся. Я Николаю Алексеевичу все рассказал. И про то, что ты мой сын, и про то, что ты учился в Североамериканских штатах, про Южную Америку. Он хочет посмотреть на твою самобеглую повозку и убедиться, что госпожа Михеева не имеет к этому никакого отношения и соответственно не имеет никаких прав.

Если перевести это на понятный язык: пришлось сказать, что я его сын, что все отличия объясняются тем, что мотался по миру, и в качестве подтверждения и чтоб отбить все предъявы оборзевшей тетки, нужно показать джип. Понятно, не дурак, все в пределах легенды, разве что генерал выдал меня не как приглашенного инженера, а своего сына, причем родного – очень серьезный ход. Ладно, поехали, буду подыгрывать.

– Конечно, отец.

И уже обращаясь к городничему:

– Ваше превосходительство, я сейчас захвачу мобилайзер и спущусь вниз, и мы с вами посмотрим на чудо американского технического гения.

А про себя добавил: «Как хорошо, что большинство шилдиков и надписей на английском, точнее американском языке, и тут этот недостаток превращается в преимущество».

Городничий с умным видом воспринял непонятное, но очень умное слово «мобилайзер» и, поднимаясь по лестнице, я услышал его бас:

– Хороший у вас сын вырос, Павел Никанорович. Настоящий офицер, не из тех, кто будет кланяться пулям.

– У него дикари недавно убили жену. Он их всех выследил и убил. Убил их, их родственников и соплеменников. Там такие традиции… После этого я его решил официально сделать наследником и продолжателем фамилии.

Уже заходя к себе в комнату, я услышал обрывок ответа городничего:

– …этот сможет. Чувствуется ваша кровь. А помните, как в двадцать девятом на Кавказе…

Взяв ключи от джипа, я спокойно спустился вниз, где городничий уже чуть ли не танцевал от нетерпения.

Когда мы вышли на крыльцо, я поразился количеству людей, собравшихся на дворе. Такое впечатление, что сюда собрались люди со всех близлежащих сел. Чуть в отдалении стояло штук пять повозок с празднично одетыми соседями, которые прибыли, чтоб быть свидетелями эпохального события. Отдельно, чуть ли не посреди двора, рядом с каретой городничего, стояла коляска с двумя женщинами, одна из которых, толстая и, как мне показалось, конкретно стервозная, высокомерно посматривала на всех вокруг, рядом с ней сидела ее более молодая копия, отличавшаяся от мамаши только возрастом, но не весом.

По тому, что мы вышли втроем: городничий, генерал и я, всем стало понятно, что пришли к какому-то решению. Осташев остался на крыльце, как бы посматривая на все это действо свысока, а я спокойным, твердым шагом направился к сараю, где стоял мой «Митсубиси Паджеро». Проходя мимо кареты, я попросил городничего силами его приставов освободить двор «от препятствий, которые могут пострадать при показе самобеглой повозки». Гражданка Михеева попробовала что-то повозмущаться, но ей все равно пришлось сваливать со двора, и за это я удостоился нескольких неприятных взглядов, которые прожигали мне спину. Пожав плечами, я пожалел, что оставил бронежилет у себя в комнате.

А потом свершилось чудо, о котором потом судачили по всей Тульской губернии. Я спокойно снял с сигналки машину, забрался на водительское сиденье, выехал на улицу, сделал несколько кругов, потом, посадив на переднее сиденье городничего, выехал со двора, сгонял к лесу, мимо стоящих повозок с соседями, которые во все глаза пялились на моего железного скакуна.

Лихо подкатив к крыльцу усадьбы, где нас невозмутимо, как монумент, ждал генерал Осташев, я нажал кнопку, и электропривод поднял стекла, которые я до этого опустил, чтоб городничий почувствовал ветерок на скорости.

Потом были еще полчаса хождений вокруг машины, охов и вздохов, восхвалений американскому техническому гению.

Городничий, получивший истинное удовольствие от поездки, провел рукой по корпусу джипа, убедился, что тут золотом и не пахнет, повернулся к Михеевой и, криво ухмыльнувшись, видимо, эта тетка и его достала, грозно спросил:

– И где тут ваше золото?

«Если эта коза сейчас полезет проверять, не из золота ли моя машина, и поцарапает мне полировку, пристрелю жирную сволочь» – непонятно откуда взявшаяся антипатия заставила задрожать руки.

Потом был совместный обед, на который напросились все приехавшие соседи, кроме, конечно, уехавшей в плохом настроении госпожи Михеевой. Я умудрился отмазаться от участия в этом застолье, мотивируя тем, что машину нужно ставить на консервацию. Слово умное, и на него никто ничего не позволил себе возразить. Хотя четырех интересных девушек, дочек и племянниц соседей-помещиков, мне представили. Да и пара замужних мамаш старательно строили глазки – что ж поделаешь, глубинка, скукотища, а тут такая развлекуха и новое, очень интригующее лицо. Ладно, чуть позже я этот вопрос прозондирую, а то как-то крепостные что-то не сильно привлекают, а естество-то, оно требует…

Вроде как первый наезд отбили без особых напрягов, но вот то, что касается секретности и скрытности моего появления… Тут кроме нецензурных слов никак не выразишься.

Когда все разъехались и мы с генералом и городничим сидели в столовой и дядьки шмалили трубки с табаком, Осташев сделал точно продуманный и выверенный ход.

– Николай Алексеевич, раз так сложилась ситуация и все наветы развеяны, я как раз хотел поговорить с вами. Тем более, намедни я к вам сам в гости собирался…

Городничий, получивший истинное удовольствие и от поездки, и от всеобщего внимания, особенно заинтересованно слушал мой рассказ, в котором мне пришлось импровизировать и в несколько искаженной форме рассказывать про боевые действия в «зеленке» против дикарей и белых бандитов в Южной

Америке. Война на Кавказе забрала много жизней русских солдат и офицеров, и мои соображения по тактике и стратегии, почерпнутые в свое время из рассказов Димки Березина, заинтересовали обоих военных. После часа общения я почувствовал, что городничий уже практически полностью проглотил на ходу слепленную генералом легенду и всячески старается показать свое расположение. Это не то что бы настораживало, но заставляло задуматься: как бы ни попросил чего, что нельзя будет отказать.

– Вы знаете, что я остался один. Сын Егор погиб на Кавказе…

«Так вот почему он с таким интересом меня слушал».

– Я последний в роду Осташевых. Мой сын, Александр, носит фамилию своей матери, которую я любил и которая умерла при родах. Тогда Сашку пришлось отправить учиться в Америку, вот видишь, что из него получилось. Я буду хлопотать о том, чтоб Александр стал следующим графом Осташевым, и вас, Николай Алексеевич, хотел просить, как старого боевого товарища, посодействовать в скорейшем продвижении сего дела.

Он опустил голову и другим, глухим голосом проговорил:

– Очень хочу успеть внуков понянчить…

Городничий, лицо которого от выпитого еще больше раскраснелось, порывисто вскочил:

– Всенепременно, дорогой Павел Никонорович, посодействую. Да и сынок твой, я вижу, достойный продолжатель рода будет…

Еще бы он попробовал отказать. Когда такой человек, как генерал Осташев просит о таких вещах, тут как минимум стоит прислушаться и по возможности помочь.

А я все с интересом наблюдал за городничим – дядька со всех сторон интересный и никак не соответствует тому образу, что он перед нами разыгрывает. А то, что он играет, не сильно, самую малость – это факт. Ох, будут нам от него проблемы.

Когда он уехал, мы вечером сидели с генералом за чашкой чая и тихо обговаривали сложившуюся ситуацию. Многие проблемы, что мы обсуждали вчера, сами собой решились, и нужно было хоть как-то наметить будущие шаги. Он мне достаточно подробно рассказывал про своих друзей, кандидатов в соратники. Но в большинстве случаев это повествование превращалось в вечер воспоминаний о былых сражениях, попойках и интригах. Когда мне это наскучило, а специально выделенный для этого еженедельник уже был исписан заметками, я перевел разговор на другую тему, которая меня несколько волновала.

– Павел Никанорович, меня все волнует ваш знакомый городничий – полковник Маркелов. Что ни говорите, а сольет он нас с вами…

Осташев, оторвавшись от воспоминаний, смотрел на меня обиженно.

– С чего вы взяли?

– Да не поверил он. Это я вам точно говорю. У него должность такая, присматривать, и он будет просто обязан доложить о моем появлении.

– Николай Алексеевич человек чести и мой давний знакомый, и я не намерен больше от вас, господин капитан корпуса жандармерии будущего, выслушивать наветы.

Н-да. Старик закусил удела и может даже на дверь указать.

– Павел Никанорович, давайте рассмотрим ситуацию в другом ключе. Информация обо мне все равно уйдет в соответствующие инстанции, или вы думаете, что та жирная корова, Михеева, просто так успокоится? Да и среди ваших соседей найдутся доброхоты, кто не преминет доложить, сболтнуть, похвастаться. Это понимаем мы с вами, это понимает и городничий. И если он не доложит и информация пройдет мимо него, то у него будут неприятности, ведь именно за тем его здесь и поставили – приглядывать и докладывать. И что здесь получается? Долг перед державой и дружеские отношения, а вы сами говорили, что он служака и карьерист.

Осташев помолчал, давая понять, что мои объяснения принял.

– Ну, допустим, Александр Владимирович, я с вами согласен. Что в данной ситуации вы предлагаете? Может быть, дождаться действительно людей, наделенных властью, и все им рассказать? Для державы это будет лучшим вариантом.

– Мы с вами уже обсуждали этот вопрос. Скорее всего, нас запрячут подальше и попытаются использовать в своих придворных интригах. Меня это не устраивает. Если и идти на контакт, то когда мы с вами будем стоять на определенных, сильных позициях, и тогда нас не будут использовать как пешек. Минимум, на что я надеюсь, пользуясь шахматной терминологией, это конь или слон – сильные и подвижные фигуры.

– Хм. А не в фавориты ли вы метите, Александр Владимирович?

– Нет. Однозначно – нет. Фавориты, как самые активные персоны влияния, всегда попадают в поле зрения всех спецслужб, а нам, чтоб что-то сделать, надо как можно дольше избегать этого внимания.

Генерала начал раздражать этот разговор – он был человек действия, и все мои умозрительные выкладки его начинали бесить. Но он взял себя в руки и спокойным голосом спросил:

– Каковы наши дальнейшие действия?

– В первую очередь надо попрятать все необычные вещи. Для этого привлекаем Еремея, чтоб он с двумя особо доверенными мужиками в вашем лесу организовал хранилище для моего джипа. Затем отрабатываем подготовительные мероприятия по плану «Тьма».

– Что это такое?

– Это план полной эвакуации, предусматривающий сокрытие всех материальных и информационных ценностей, создание резервных источников финансирования и уход на нелегальное положение, предполагающий разработку легенд и подготовку явочных квартир. Образно говоря – в случае негативного развития ситуации Александр Осташев, как вы меня представили, уезжает в неизвестном направлении или его убивают грабители, оставив обезображенный труп, а в той же Туле появляется купец или изобретатель, ну, допустим, Трофим Пуговкин,

который открывает свою лавку и начинает выпускать всякие интересные новинки. Это образно, но общую мысль вы должны понять.

– Вполне. Завтра пришлю к вам Еремея, вы объясните ему, что хотите, а я пока, с вашего позволения, вызову своего старого, доброго друга, с которым не раз рисковали жизнью во славу России. Надеюсь, он будет первым.

– Это кто?

– Граф Свирин. Подполковник артиллерии в отставке, участник турецкой кампании. Человек состоятельный и весьма неглупый, интересующийся передовыми открытиями науки…

Я быстро глянул в ежедневник.

– Это тот, у которого сын служит в гвардии, а дочка замужем за действительным статским советником в Санкт-Петербурге.

– Хм.

Он удивленно поднял на меня усталые глаза.

– А вы неплохо все запомнили…

– Ну так, это ключевые моменты по каждому кандидату, и я постарался такие вещи не оставлять без внимания.

– Порадовали вы меня, Александр Владимирович, а то я грешным делом начал в вас разочаровываться.

– С чего бы это? Мы сейчас находимся в состоянии сбора и классификации информации. Зато когда начнется движение, вам будет не до воспоминаний и вы получите то, чего вам так не хватает…

Он хитро посмотрел на меня, пряча улыбку в густых усах, и уже дружелюбным голосом спросил:

– И чего мне не хватает?

– Вам не хватает серьезной цели, которой можно посвятить всего себя, вы человек дела. Просто растить пшеницу, рожь, гречиху и продавать вам не интересно – вы боевой генерал. И соответственно вам нужна цель – спасение Отечества, что может быть важнее и интереснее?

Он не стал ни хвалить меня, ни ругать. Просто встал, доброжелательно пожелал мне спокойной ночи и удалился, на прощание буркнув, что Еремей завтра с утра в моем распоряжении.

Утро начиналось как обычно: крикливые петухи, пробежка под песни «Любэ», легкая зарядка и утренний моцион. На попытку того же Тимохи побрить меня отмахнулся и с большим удовольствием нормально побрился своим «Жиллет Мак-3», используя гель для бритья, что сопровождалось очень заинтересованным взглядом моего невольного денщика.

Потом после завтрака генерал удалился к себе писать пригласительные письма своим друзьям, а я уединился с Еремеем и кратко обрисовал ему ситуацию. Он быстро перебрал в уме все возможные варианты, кого можно привлечь к такого типа работам, и главное, чтоб умели держать язык за зубами. Уже через час возле крыльца меня ждали три кряжистых крестьянина в домотканых рубахах, с топорами, пилами и лопатами.

Чтобы не привлекать внимания, я переоделся в скромную одежду, которую принес Еремей, и с ним и придаными для работы мужиками ушел в лес, где предполагалось организовать схрон для моей машины.

Мы долго бродили по лесу, выискивая поляну для размещения блиндажа, и, найдя неплохое место, к которому вполне реально без больших затрат провести машину. Я сделал разметку, определил сектора обстрела для будущих огневых точек и определил место, куда будет скидываться грунт. Скинув сюртук и рубашку, сам схватил лопату и начал срезать дерн, относя ровные прямоугольники в сторону. Так мы проработали до вечера, и уже разложив костер, на котором готовился ужин, я сидел с крестьянами и ждал, когда дойдет каша. От себя я в общий котел добавил мясную консерву из сухих пайков, галеты и чай. Несмотря на совместно проведенный в тяжелой работе день, разговор с этими людьми как-то не клеился – видимо, сказывалось то ли недоверие, то ли

отчужденность. Ближе к одиннадцати вечера они разлеглись спать, укрывшись рогожей, и я отошел в сторону, расстелив лист пенистого полиэтилена, залез в спальный мешок, улегся и стал смотреть на звездное небо, проглядывающее сквозь крону деревьев. Так меня и сморил сон.

Глава 5

Когда по прошествии двух дней я убедился, что строительство моей партизанской базы идет должным порядком, работники регулярно снабжаются продуктами, я собрал вещи и вернулся в усадьбу.

К этому времени генерал уже отправил несколько писем своим боевым товарищам, несмотря на мои предложения все это делать поэтапно. Поэтому, пока было время, пришлось приняться за подготовку нашей маленькой научно-технической революции и соответственно операции прикрытия. Вспомнив «Мертвые души» Гоголя, я предложил графу Осташеву поискать в его имениях недавно умершего крестьянина примерно моего возраста и формально дать ему вольную. Таким образом, я начал отработку одной из легенд для своей персоны. Но одному мне было бы трудновато даже под такой легендой вжиться в образ, и после соответствующего разговора ко мне прикрепили Тимоху, оказавшегося родным сыном управляющего. Для него тоже начали отрабатывать аналогичную легенду. В результате таких поисков в поместье графа Осташева получили вольную и некоторую благодарственную сумму два крестьянина: тридцатилетний Севастьян Митрохин и его сын Тимофей Митрохин.
В реальности эти двое погибли прошлой весной, после того как сани, везущие дрова, провалились под лед. Тела так и не были найдены, но легенда оказалась весьма неплохая. Для Тимохи совпадение имен было даже очень привычным, и молодой парень, у которого, как я заметил, была в характере некоторая авантюрная жилка, со всем энтузиазмом принял правила игры. Через неделю он в сопровождении отца отправился в Тулу для сбора предварительной информации об имеющихся в городе производствах и частных мастерах, о ценах на жилую и производственную недвижимость и главное исподволь прозондировать почву об уровне полицейского и жандармского надзора – все-таки в городе находятся казенные предприятия, ориентированные на производство оружия. Если к Еремею возникнут вопросы, то у него есть легальный статус управляющего генерала графа Осташева, который поручил ему поискать мастеров для изготовления уникального охотничьего ружья.

Для выполнения хотя бы части наших планов по разработке стрелкового и артиллерийского вооружения нового типа необходимо было закрепиться в городе с развитой промышленной инфраструктурой, а Тула, которая находилась как раз не очень далеко для таких дел, подходила идеально. Но, исходя из элементарных соображений секретности, в городе я предполагал заказывать детали у разных мастеров и на разных заводах, а конечную сборку производить в партизанском лагере, где сейчас готовился гараж для моего джипа, а впоследствии и будут размещены мастерские.

Пока Еремей с сыном уехали в Тулу, мы с генералом озаботились созданием своей маленькой армии, в задачу которой входила бы охрана и поместья, и будущих мастерских. Тут все было в руках Осташева, и мы пришли к единому мнению, что неплохо бы к этому делу привлечь ветеранов. Поэтому на следующий же день бывшим сослуживцам генерала были разосланы письма с просьбой порекомендовать надежных людей, которые хотели бы, уйдя в отставку, послужить лично генералу с соответствующей оплатой и привилегиями.

Я же все это время занимался тем, что собирал и систематизировал информацию, которую удалось нарыть на ноутбуке, но больших успехов на этом поприще не добился – я был электротехник и специалист по техническим системам безопасности, а тут нужны были технологи, металлурги и куча еще других профессионалов. Параллельно осваивал нравы местного общества – начал изучение французского языка, осваивал верховую езду и даже пытался что-то выделывать с холодным оружием, как это принято у дворян. Осташев, который специально нанял для меня в срочном порядке учителей, не мог без содрогания смотреть на мои занятия – уж как-то все у меня не так проходило. И язык мне не давался, и в седле смотрелся как собака на заборе, и со шпагой и саблей как-то все не так красиво, как это описывается в романах, выглядело. Но процесс шел. Параллельно по возможности я старался больше времени проводить среди дворни, пытаясь перенимать манеру говорить, словарный запас и хоть как-то изучать быт.

Все это время мне не давало покое чувство, что я что-то пропустил или забыл. Маясь, пытаясь вспомнить, изводил себя насущными заботами, когда разобрав по привычке свой карабин и мурлыкая песню, наконец-то вспомнил, что у меня засело в голове. Когда я только попал в этот мир, я сканировал радиодиапазон, и сканер показывал какие-то сигналы на уровне естественного шума, но ведь что-то же было? А тут, в усадьбе полная тишина. Значит, есть некоторая

вероятность связи с моим миром. Это можно вычислить, вернувшись к тому памятному дубу. На следующий день я запланировал марш-бросок в тот лес, поэтому весь вечер готовился, как только мог. Нарезав из старых тряпок тонких полосок, я занялся шитьем и к вечеру приготовил некоторое подобие маскировочного костюма типа «Леший» или «Кикимора».

Добравшись на следующий день максимально близко к тому лесу в закрытой карете генерала, я дал вознице указание возвращаться обратно в усадьбу через полчаса, прямо на ходу выскочил и сразу скрылся в кустах. Но, к моему сожалению и удивлению, приблизиться к тому памятному дубу я не смог. Лес буквально кишел людьми: крепостные помещицы Михеевой, бросив все свои дела, буквально метр за метром перерывали лес в поисках гипотетических сокровищ. Сколько энергии выделяет человеческая жадность. Поэтому, чтоб не привлекать внимания, я максимально быстро и скрытно покинул эту страну дураков, тихо матерясь и вспоминая книжку про Буратино. Наверное, все-таки сказку писали не на пустом месте и были реальные предпосылки.

* * *

Небольшой уездный городок Ефремов, утопал в весенней зелени. Провинциальная неторопливость накладывала особую печать на всех его жителей. Будучи одним из аграрных центров Черноземья, город больше ориентировался на торговлю зерном, и все местные мануфактуры выдавали типичный набор товаров для глубинки: кирпич, сало, кожи, воск. В большом частном доме, где проживал городничий Маркелов, жизнь тоже шла неторопливо и скучно. Хозяин тосковал по столице, где он, будучи молодым офицером, участвовал в веселых гулянках и попойках, вздыхал, вспоминая боевые походы, где сложили голову многие его товарищи. Сейчас он был не удел. По сути, его сослали в этот опостылевший уездный город, где все пропиталось вонью с кожеобрабатывающих мануфактур. В последнее время он не мог уже переносить эту каторгу, не прикладываясь к заветному штофу с водкой, которая мутила голову, но не убирала тоску, а только ее притупляла на некоторое время. Иногда он встречался с такими же ветеранами, осколками военной славы Российской империи, доживающими свой век в забвении и в отдалении от великих дел, которые, судя по газетам, происходили в мире.

Все изменилось тем памятным утром, когда к нему в дом вломилась помещица Михеева и, распространяя вокруг себя амбре из смеси дешевых духов и ядреного

бабского пота, визгливым голосом начала что-то рассказывать по поводу подлого графа Осташева.

Пребывая с утра в меланхолическом настроении, поддержанном парочкой рюмочек холодной, прямо из погреба, водочки, городничий сначала не понял, про какого Осташева ведется речь. Когда до него наконец-то дошло, что эта крикливая бабища обвиняет генерала графа Осташева, пользующегося уважением и авторитетом среди ветеранов, Маркелов вышел из себя и накричал на просительницу. Но он был поставлен сюда блюсти закон, поэтому пришлось вызвать секретаря, который в это время на соседней улице подбирал ключики к сердцу вдовушки, хозяйки хлебной лавки, и устроить допрос по всем правилам.

Часом позже, выслушивая обвинения, перемежающиеся с показательным плачем, в котором Михеева давила на жалость, рассказывая, как тяжело живется вдове, которую все норовят обжулить, городничий наконец-то прояснил для себя ситуацию. Рассказ о «телеге, полной золота», которую генерал умудрился тайно вывезти из леса помещицы, взбудоражил его. Решив разобраться на месте, он дал команду запрягать карету и, кликнув двух приставов, выехал в имение графа Осташева.

Это был самый запоминающийся день за несколько лет. Самобеглая повозка произвела на него неизгладимое впечатление. Но еще больший интерес вызвал новоявленный «сын» генерала. Маркелов ни на минуту не поверил, что этот плечистый с пронзительным взглядом убийцы молодчик в необычной рябой одежде, которую он называл на английский манер «джангл фетигс», сын генерала. Уж очень они были не похожи, но он слишком уважал графа Осташева и, когда тот попросил Маркелова посодействовать в дворянском собрании о признании этого человеком сыном генерала, городничий не смог отказать.

Потом, вернувшись домой, он долго обдумывал и анализировал события такого насыщенного дня. Тайна, большая тайна – вот что он почувствовал после общения с генералом и его гостем. Многие вещи, нюансы поведения, мелочи, на которые бы не обратил внимания обычный человек, не укрылись от пытливого взгляда городничего. Результатом долгих размышлений и мук совести, где между собой боролись уважение к генералу Осташеву, карьеризм, чувство долга и простое желание выбраться из этого опостылевшего городка, стало письмо, отправленное с нарочным даже не в Тулу, где находился непосредственный начальник Маркелова, а прямо в Санкт-Петербург на имя управляющего III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии генерал-

лейтенанта Леонтия Васильевича Дубельта.

Это был шанс, Маркелов чувствовал это всеми фибрами души, и, чтоб не сидеть без дела, пока в столице закрутятся колесики государственной машины, принимающей судьбоносные решения, он по возможности стал собирать информацию о событиях в поместье генерала Осташева и главное – о его госте. Но дни шли, из столицы не было никаких известий, а все, что ему удалось узнать об Александре Осташеве, как он стал его называть, говорило о том, что молодой офицер, а то, что тот офицер и не ниже капитана, повидавший жизнь, Маркелов не сомневался, вел образ жизни, свойственный помещику, а не посланнику неких сил, которые вроде как маячили за спиной этого необычного человека.

Новость о том, что самобеглая повозка исчезла из поместья, взволновала городничего. Это при том, что граф и его приемный сын ведут себя как ни в чем не бывало, значит, они куда-то спрятали эту необычную машину, которая занимала большую роль в качестве доказательства в плане полковника Маркелова, по возвращению со всеми почестями в столицу.

Он начал впадать в отчаянье и опять все чаще прикладываться к заветному штофу, когда однажды секретарь доложил, что прибыл горный инженер Стеблов и просится на прием, чтоб выразить свое почтение господину городничему. Махнув рукой, полковник Маркелов принял подобающий вид, уселся в высокое и удобное кресло за письменным столом, заваленным служебными бумагами, когда в комнату вошел молодой человек, лет тридцати. То, что гость никакой не инженер, городничий понял сразу – уж слишком выделялась военная выправка, да и взгляд тоже был далек от обычного почтения, которое старались выказать всякие просители.

«Вот оно» – возликовал городничий. Но теперь ему нужно проявить все свои качества, которые, как он считал, остались недооцененными Отечеством.

Маркелов откинулся на спинку кресла, окинул гостя пронзительным взглядом и спокойно и выдержанно проговорил:

– Я рад, что мое письмо дошло до адресата.

Гость кивнул головой, как бы показывая, что все понял, и ответил:

– Вы были слишком убедительными, да и не только вы.

«Значит, все-таки кто-то мимо меня успел сообщить в столицу, интересно кто, ну ладно, потом выясню».

– Ну что ж, значит, меня мой нюх не подвел, и я сумел угодить его превосходительству.

– Это будет оценено.

– Как мне вас величать?

– Как и все, инженер Стеблов.

«Ну, ничего, сейчас и я тебя проверю».

– Господин инженер, не соблаговолите представить доказательства ваших полномочий, сами понимаете, вопрос очень серьезный.

– Что ж, вы в своем праве…

Гость усмехнулся и достал из-за пазухи конверт, с большой сургучной печатью. Быстро перечитав содержимое письма, городничий с трудом подавил радостный вздох, что не укрылось от «инженера».

После таких слов гость спокойно стал рассматривать обстановку, не проявляя никакого желания продолжать разговор, что сильно задело Маркелова, которому пришлось взять инициативу на себя.

– Может, отобедаете с дороги?

Человек, выдающий себя за инженера, как бы нехотя согласился, но выразил это в весьма учтивой форме, давая понять полковнику, что отныне он тут главный.

– Не откажусь, заодно просветите меня относительно вашего феномена.

После непродолжительного обеда гость начал задавать вопросы, на которые у городничего давно были подготовлены емкие и весьма информативные ответы.

– На что похожа самобеглая повозка и что меня в ней привлекло? Хм. Скажите, какое вы видите отличие между крестьянской телегой и паровозом на железной дороге?

К удовольствию городничего, вопрос поставил в тупик его самодовольного гостя. Поэтому он продолжил:

– Паровоз намного совершеннее и технически просто изумителен для непосвященного человека. Так вот для меня, человека, который чуть-чуть разбирается в современном развитии техники, эта самобеглая повозка так же отличается от паровоза, как наш современный паровоз отличается от самой простой телеги. Тут и движитель, работающий совершенно по-другому и уж точно не использует силу пара, тут и самоподъемные стекла, и чистейшая необычная музыка, и множество других мелочей, которые заставляют поверить в чудеса. Это не просто повозка, это техническое произведение искусств, достойное нашего императора. Так вот, для этого человека машина является чем-то совсем обычным, как для нас лошадь. А он точно не инженер и не изобретатель. Он солдат, и причем непростой. Слышали бы вы, милостивый государь, как он рассуждал о проблеме кавказских горцев, тактике борьбы с ними…

И городничий постарался максимально полно передать свой разговор с Александром Осташевым, видя, как заинтересовался его надменный гость. Маркелов как легендарная Шахерезада затягивал посланца грозного генерала Дубельта своим рассказом, выкладывая все новые и новые подробности.

После полутора часов такого разговора гость утратил свою надменность и превратился в того, кем он был на самом деле – ищейкой, идущей по следу. Теперь он сам стал задавать вопросы, пытаясь более точно просветить для себя ситуацию.

– Он русский?

– Несомненно. Хотя говорит как-то вычурно, часто проскакивают слова, явно английского происхождения.

– Вы сказали, что он потерял жену и жестоко отомстил. Вы сами в это верите?

– Несомненно. Когда граф Осташев повторил это в его присутствии, гость немного поморщился и так зыркнул на графа, как будто тот задел нечто очень личное. Это точно была не игра.

– Хм. Очень интересно. Вы говорили, что он офицер, в чем это проявлялось?

– Слова: разведка, рекогносцировка, обходной маневр, переправа, фланговый огонь – все это для него само собой разумеющееся, как будто он их часто произносит. Да и выправка, и привычка командовать, все это мне, старому ветерану, видно сразу, – не смог не похвалить себя городничий.

– Что ж, если судить по вашему рассказу, то нарушение субординации, которое вы себе позволили, обратившись через головы ваших начальников непосредственно к его сиятельству, оправданно и совершенно своевременно. Мы тоже не сидели без дела и тоже проверяли, но вы сумели максимально полно представить обстоятельства появления этого странного гостя генерала Осташева. От себя могу сказать, что буду ходатайствовать перед его сиятельством о вашем награждении за внимательность и верность долгу.

– Я верный сын Отечества.

– Да. Теперь осталось выяснить, что же все-таки нужно этому гостю, который появился буквально из ниоткуда. Достоверно известно, что границу он не пересекал, и такая самобеглая повозка обычным путем в империю не могла бы быть доставлена, не попав в наше поле зрения.

– Я тоже так подумал, поэтому и решился на столь неординарный шаг. Но от себя могу добавить, что генерал граф Осташев – честный человек, не запятнавший свою честь предательством и сговором с противником, но то, как он просил за этого человека, говорит о серьезности ситуации. Уж поверьте, я знаю генерала давно, и он очень редко просит, очень редко.

– Я тоже так думаю. Поэтому и решился лично рассмотреть ситуацию на месте. – Он задумался. Потом принял решение: – Господин полковник, все, что я сейчас расскажу, является государственной тайной, и любое разглашение будет строго караться…

«Вот оно!» – возликовал в душе городничий.

– Я к вашим услугам и готов служить Отечеству.

«Инженер» немного поморщился от высокопарных слов, но продолжил:

– Недавно в Туле и в некоторых других городах были убиты несколько оружейных мастеров. Со стороны все вроде как случайно – кому грабители ночью ткнули нож в брюхо, кому в драке пробили голову. Но более тщательное расследование показало, что тут есть связь: все они имели отношение к поискам новых образцов оружия. В соседнем уезде уже несколько месяцев действует банда грабителей. Они не брезгуют и смертоубийствами на заказ, и достоверно известно, что это их рук дело. Двоих исполнителей мы нашли, но вот главарь пока ускользает и только он знает, кто заплатил за смерти русских оружейников. Поэтому, когда до нас дошло письмо о необычном госте генерала графа Осташева, меня прислали провести дознание. Тем более его управляющий несколько дней назад появился в Туле и уж очень интересовался мастерами по металлам, оружию, артиллерии.

– Так вы думаете…

– Нет. В то время, когда достоверно известно, что главарь был в Туле, ваш необычный человек безвылазно сидел в имении графа Осташева – вы сами это подтвердили. Да и генерал как-то не похож на злодея: все в один голос говорят, что он человек долга и чести и имеет множество заслуг перед державой. Не будет он таким заниматься. Но проверить его гостя, которого он так старательно выдает за своего сына, все же стоит, хотя мне кажется, что это ложный след.

– А самобеглая повозка?

– Русь всегда славилась самородками и изобретателями. Посмотрим… – неопределенно закрыл тему Стеблов.

– Какие наши дальнейшие действия?

Гость на некоторое время задумался.

– Мне бы хотелось посмотреть на этого человека поближе, но так, чтоб не привлечь внимания.

Городничий был готов к такому развитию ситуации, поэтому сразу предложил:

– Я могу еще раз наведаться в гости к графу Осташеву. Как мне сообщили, пару дней назад из поместья пропала самобеглая повозка, а граф и его гость абсолютно спокойны. Вы могли бы выдать себя за моего нового пристава.

– Идея неплохая, но не хотелось бы раньше времени настораживать гостя. Вы говорили, что он неплохо рассуждал о борьбе с бандитами. Очень интересно. Вот пусть и докажет, что это не пустой разговор. В соседнем уезде уже несколько месяцев орудует банда, как раз и есть возможность проверить его, а мы посмотрим, кто он и на что способен. Если этот Александр действительно такой необычный человек, мы это увидим, а уже потом будем делать выводы.

– Я вас понял. Тогда завтра же пошлю приглашение и генералу, и его сыну.

– Вполне разумно. Попросите у них помощи. Я уверен, что они не посмеют отказать, тем более вы им действительно поможете. Думаю, при благоприятном исходе нам вполне по силам признать этого человека законным сыном генерала графа Осташева.

* * *

Время шло, и я постепенно втягивался в жизнь помещика. Через две недели был закончен большой блиндаж, на крыше которого для конспирации построили небольшой дом с искусно скрытым люком. В условиях особой секретности ночью я перегнал туда свой джип, и потом целый день мужики под моим руководством скрывали все возможные следы, по которым можно было найти место стоянки автомобиля. Несмотря на то, что в блиндаже были выстелены полы, пользуясь домкратом, я все равно поставил машину на дубовые чурки, чтоб колеса не

касались земли. Для поддержания теплового режима там даже собрали небольшую кирпичную печь и иногда ее протапливали. Конечно, я не сомневался, что об этом убежище рано или поздно станет известно, но на первое время в качестве гаража меня такой вариант устраивал. Чуть позже началось строительство уже двух крупных амбаров, которые впоследствии предполагалось использовать в качестве сборочных мастерских. На границах этого леса, где заканчивались пределы владений графа Осташева, также заложили пять сторожек для размещения будущих стационарных постов охраны – опорных пунктов, с которых впоследствии будут оперировать подвижные патрули.

Тут, кстати, у меня появилась подружка. Не то что бы интимная, но вот что-то вроде дружеских отношений завязалось. Она выдавала себя за крестьянку из деревеньки, принадлежащей соседу-помещику, но я сразу просек дело и, вспомнив товарища Пушкина и его творение «Барышня-крестьянка», уже просто получал удовольствие от такого рода общения. По привычке, давно навел справки про всех в округе, заслуживающих внимания, и прекрасно знал, что у генерала были определенные территориальные трения с близким соседом. Во время представления джипа этого человека не было, вот, видимо, его дочурка, семнадцатилетняя княжна Мария Игоревна Тихвинская, и решила потешить свое любопытство в такой вот романтической форме.

В первый раз я ее увидел в толпе крестьян, которые собрались возле ворот сарая, когда, открыв настежь двери, включил музыку и наводил внутри порядок. Уж слишком девочка выделялась из толпы, несмотря на простое домотканое платье и выцветший платок, прикрывающий роскошные русые волосы. Тут и форма лица, с ухоженной кожей, и взгляд не испуганно-любопытный, как у всех, а какой-то восторженный. А главное это руки – холеные руки с тонкими изящными пальцами, больше подходящие для игры на пианино, нежели месить тесто на кухне или таскать ведра с водой от колодца.

Потом она появилась, когда после пробежки я присел на поваленное дерево и наслаждался утренним свежим воздухом и запахами леса. Поэтому появление этой Маты Хари Ефремовского уезда я быстро услышал и уже с интересом рассматривал липовую крестьянку, которая с лукошком как бы шла мимо.

Я заговорил, она, чуть покраснев, ответила, но тем не менее разговор завязался, и мы недолго шли так по лесу, говоря ни о чем, при этом я не раз ловил на себе ее пристальные заинтересованные взгляды. Мне все было понятно – первая

влюбленность, в принципе и девочка ничего; в отличие от большинства местных девиц, более склонных к полноте, она была стройна и притягивала своей молодостью и свежестью. Но я не стал форсировать события, боль от утраты жены еще не прошла, и, сам того не замечая, рассказал ей об этом, конечно, не акцентируя внимание ни на времени, когда это произошло, и на обстоятельствах. Главное, что я говорил правду, и она это чувствовала.

Мы встречались не так часто, но, тем не менее, мне было интересно с ней, и в какой-то мере я умудрился даже через эту девушку наладить получение информации о соседях, о слухах, циркулирующих в местном свете, причем она наивно это выдавала, как подслушанное у хозяйки. Хм. Мне такая вербовка и оперативная работа начинает нравиться. Только вот девочке не очень хочется портить жизнь. Влюбленность пройдет, она научится различать, где золото, а где откровенное дерьмо, и, надеюсь, не успеет перед этим наделать непоправимых глупостей.

На этом примере я уже стал организовывать вокруг поместья некую систему сбора информации и, используя слуг, их связи в соседних селах, получал достаточно оперативную информацию обо всех соседях. Через некоторое время я даже узнал, что та же жирная сволочь Михеева не успокоилась и накатала «телегу» куда-то в Питер, кому, я скоро узнаю, – одна незаслуженно обиженная служанка скопировала адрес.

Такое плодотворное времяпрепровождение было прервано настоятельным приглашением городничего себе в гости в уездный город Ефремов, где тот держал свою штаб-квартиру. Чем это было вызвано, я мог только догадываться, но что это начало глобальных изменений в моей нынешней жизни, не сомневался.

Переодевшись в лучший местный костюм, который мне только недавно смастерили на заказ приглашенные портные, обшивающие все местное дворянство, я и генерал в его карете выехали в уездный город Ефремов – навстречу новым приключениям. Будучи циником и скептиком, я положил в карету сверток, куда сложил приготовленные на всякий случай форму, маскировочный костюм, бронежилет, карабин, несколько гранат и кучу еще других полезных вещей.

«Все, спокойная жизнь закончена» – почему-то я не боялся и радовался как мальчишка.

* * *

Господи, даже не знаю, как описать то, что произошло со мной за эти несколько месяцев. Это как в захватывающем романе о приключениях амазонок.
А началось всё из-за простого любопытства, да и что греха таить – скуки. Первое время слухам о появлении в имении нашего соседа, графа Осташева Павла Никаноровича, его сына я не поверила, мало ли что болтают наши уездные сплетницы. Всем давно известно, что молодой граф Егор Павлович погиб несколько лет назад. Но слухи упорно твердили о сыне, якобы вновь обретённом, а до этого много лет проживавшем за границей. Постепенно темой всех разговоров с соседями на званых ужинах стал именно и исключительно Александр Осташев, военный, почти иностранец, много путешествовавший, сражавшийся с какими-то дикими племенами или пиратами и теперь вернувшийся на родину, к отцу. Ужасно интересно! А ещё говорили об удивительной повозке, которую молодой Осташев привёз с собой аж из-за океана. Вот бы взглянуть, хоть одним глазком! Так и распирает любопытство! Сейчас велю запрягать дрожки и поеду сама, без приглашения, а кто мне запретит, я ведь княжна, в конце концов. Кто запретит – папенька? У него с графом какие-то взаимные претензии, никогда не интересовалась этими скучными мужскими делами. Да и маменька не позволит. Что же мне делать? За завтраком осторожно намекнула рара

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sergeev_stanislav/tovarisch-zhandarm

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить